

ЧАСТЬ 1

СОВРЕМЕННЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ

Глава 1 ЦВЕТОК-ЭКСТРАСЕНС

В пыльном окне нью-йоркского делового центра словно в зеркале отражался удивительный уголок Страны Чудес. В этой стране мы вряд ли бы нашли Белого Кролика в жилете с карманными часами на цепочке, но зато в ней обитал чем-то похожий на эльфа человек по имени Бакстер с гальванометром и домашним растением под названием драцена душистая (*Dracaena massangeana*). Почему с гальванометром? Да потому, что Клив Бакстер (Cleve Backster) был известнейшим в США специалистом по использованию детектора лжи. Почему с драценой? Потому что секретарше Бакстера захотелось оживить голое офисное помещение. Сам же Бакстер находился там потому, что в 1960-х годах с ним произошло роковое событие, изменившее всю его жизнь и способное изменить жизнь всей нашей планеты.

О причудливых опытах Бакстера с растениями писали газеты всего мира. И хотя его эксперименты стали излюбленной темой пародий, карикатур, комиксов и ироничных пасквилей, значение его открытий для науки просто неоценимо. Открытие Бакстера, что растения, по-видимому, способны чувствовать, вызвало сильнейший и неоднозначный резонанс по всему миру. Правда, Бакстер никогда не называл это открытием, а утверждал, что всего лишь обнаружил известные, но давно забытые знания. Предусмотрительно

избегая огласки и рекламы, он направил свои усилия на научное подтверждение того, что впоследствии назвали «эффектом Бакстера».

Все чудеса начались в 1966 году. Как-то ночью Бакстер сидел в основанной им школе, куда съезжались послушать его лекции и изучить тонкости использования детектора лжи служители правопорядка со всего мира. По какому-то паинтию он решил подключить электроды детектора к листу своей драцены. Драцена – тропическое растение, наподобие пальмы, с большими широкими листьями и плотным соцветием маленьких цветов. Другое название – «драконье дерево» (от лат. *Draco*), так как в одном мифе утверждается, что из смолы этого дерева можно получить кровь дракона. Бакстеру стало интересно, отреагирует ли дерево, если его полить, и если да, то как и насколько быстро это произойдет.

По мере того, как растение утоляло жажду и вода поднималась вверх по стеблю, гальванометр должен был зафиксировать снижение сопротивления и повышение электрической проводимости насыщенных водой тканей листьев драцены. Но к удивлению Бакстера, кривая на ленте вместо того, чтобы идти вверх, пульсируя, пошла вниз.

Гальванометр – это часть детектора лжи. При подключении детектора к человеку посредством электродов, через которые пропускается слабый электрический ток, гальванометр заставляет двигаться стрелку на приборной шкале или самописец в ответ на мозговую деятельность и малейшие колебания эмоций человека. Гальванометр изобрел в конце восемнадцатого века венский священник отец Максимилиан Хелл (Maximilian Hell), придворный астроном императрицы Марии Терезы. Аппарат назвали в честь итальянского физика и физиолога Луиджи Гальвани (Luigi Galvani), который открыл «животное электричество». Сегодня гальванометр используется вкупе с электрическим прибором под названием «Уитстон бридж», или «мостик сопротивления», названный в честь английского физика и изобретателя автоматического телеграфа сэра Чарльза Уитстона (Charles Wheatstone).

Мост балансирует сопротивление и таким образом позволяет измерять колебания электрического потенциала (то есть заряда) человеческого тела под воздействием мысли или чув-

ства. В следственной практике подозреваемому задают «четко структурированные» вопросы и наблюдают, при каких вопросах стрелка гальванометра резко дергается. Опытные специалисты вроде Бакстера способны отличить правду от лжи по характеру графиков, вычерчиваемых полиграфом.

К изумлению Бакстера реакция «драконьего дерева» очень напоминала реакцию человека на кратковременное стимулирование его чувств. Так может растение выражало чувства? То, что произошло с Бакстером в последующие десять минут, перевернуло всю его жизнь.

Человек сильно реагирует на угрозы. При этом стрелка гальванометра подскакивает. Бакстер решил пригрозить драцене и обмакнул лист растения в чашку с горячим кофе, которую он никогда не выпускал из рук. Никаких эмоций. Немного поразмыслив, Бакстер выдумал кое-что пострашнее: он решил поджечь лист, к которому были подсоединенны электроды. Бакстер представил пламя огня, но не успел потянуться за спичками, как самописец дернулся, и график сигналов от драцены взметнулся вверх. Бакстер даже не притронулся ни к растению, ни к полиграфу. Так значит, драцена прочитала его мысли?

Бакстер пошел за спичками, а когда вернулся, обнаружил на графике еще один острый пик, по всей видимости, вызванный его решимостью реализовать угрозу. Несколько колеблясь, он решил-таки поджечь лист. На графике последовал менее сильный всплеск. Затем Бакстер притворился, будто собирается сжечь лист: открыл коробок, достал спичку и, не зажигая ее, поднес к листу – но растение никак на это не отреагировало. По всей видимости, оно отличало реальную угрозу от притворной.

Бакстер чуть было не выбежал на улицу с криком: «Растения могут думать!» Но, сдержав свой порыв, он погрузился в скрупулезные исследования этого явления, чтобы понять, как растение реагирует на его мысли.

Для начала попробовал найти всему этому какое-нибудь простое объяснение. Может, что-то не так с драценой? Или с ним самим? Или с детектором лжи?

Но когда он сам и его коллеги, используя другие растения

и другие детекторы в различных городах США, наблюдали тот же самый эффект, стало очевидно, что это явление заслуживает дальнейшего изучения. В опытах использовали более двадцати пяти различных видов растений, включая салат, лук, апельсиновое дерево и банановую пальму. Все наблюдения дали похожий результат, перевернули наше представление о жизни и произвели революцию в науке. До этого вопрос существования экстрасенсорного восприятия (ЭСВ) вызывал ожесточенные споры между учеными и парапсихологами, во многом из-за трудностей с объективным наблюдением этого феномена. Самым крупным достижением в этой области были результаты исследований д-ра Дж. Б. Райна (J. B. Rhine). В своих опытах в области ЭСВ в Университете Дьюк он установил, что у людей это явление встречается гораздо чаще, чем можно было бы объяснить случайностью.

Сначала Бакстер думал, что способность растения реагировать на намерения человека была какой-то формой ЭСВ, но потом он сам понял, что это не так. Под ЭСВ подразумевают восприятие, выходящее за пределы пяти ощущений, связанных с органами осязания, зрения, слуха, обоняния и вкуса. Поскольку у растений нет ни глаз, ни ушей, ни носа, ни рта, ни – по мнению ботаников со времен Дарвина – нервной системы, Бакстер заключил, что восприятие растений должно быть более глубоким, нежели восприятие органами чувств.

Поэтому он предположил, что помимо восприятия органами чувств существует еще и «глубинное восприятие», возможно, присущее всему живому. «А что, если растения видят без глаз лучше, чем человек видит глазами», – предположил Бакстер. Ведь пять основных органов чувств подвластны воле человека: мы можем ощущать, плохо ощущать или вовсе не ощущать что бы то ни было. «Если вам что-то не по нраву, – отметил Бакстер, – вы можете отвернуться или закрыть глаза. Если бы мы постоянно воспринимали всё окружающее, можно было бы сойти с ума».

Чтобы выяснить, что ощущают и чувствуют растения, Бакстер расширил свой офис и обустроил в нем научную лабораторию, которой позавидовал бы самый взыскательный ученый.

Несколько месяцев Бакстер снимал показания с самых

разных растений. Феномен «глубинного восприятия» присутствовал, даже когда лист отрывали от растения или обрезали по размеру электродов. Более того, даже если лист пропускали сквозь сито и образовавшуюся массу наносили на электроды, гальванометр продолжал получать те же сигналы. Растения реагировали не только на угрозы людей, но и на потенциально опасные ситуации: например, когда в комнату внезапно вбежала собака или входил недолюбливавший растения человек.

Бакстер продемонстрировал ученым Йельского университета, что движения паука в одной комнате с подключенными к детектору растением вызывают резкие изменения в сигналах растения за мгновение до того, как паук начинает убегать от преследующего его человека. «Создается впечатление, – рассказывает Бакстер, – что желание паука убежать передается растению и приводит к изменению электрического потенциала его листьев».

По словам Бакстера, в обычных условиях растения настроены друг на друга, но при появлении животных они переключают свое внимание на них и меньше реагируют на происходящее с другим растением: «Растение никак не ожидает нападения со стороны другого растения. Когда поблизости есть животные, оно настраивается на животных. Животные и человек подвижны, и за ними нужен глаз да глаз!»

Если растению угрожает чрезвычайная опасность или повреждение, то, защищая себя, оно реагирует как опоссум или даже человек: «теряет сознание», «падает» в глубокий обморок. Однажды один канадский физиолог приехал в лабораторию Бакстера посмотреть на его опыты и столкнулся с этим явлением во всей его красе. Бакстер подсоединил к полиграфу одно, затем другое и третье растения, но ни одно из них не реагировало. Он проверил оборудование и попробовал еще два растения, но безрезультатно. И только шестой цветок показал слабую реакцию.

Заинтересованный этим, желая прояснить, что могло так повлиять на его питомцев, он поинтересовался: «А вы в своей работе не причиняете вред растениям?» «Еще как причиняю! – ответил физиолог. – Я их убиваю – сжигаю в печи, чтобы получить сухой остаток для анализа».

Через сорок пять минут после того, как физиолог уехал в аэропорт, все растения Бакстера вновь реагировали на его мысли, как ни в чем не бывало.

Этот опыт подвел Бакстера к пониманию того, что люди умышленно могут заставить растения оцепенеть, потерять сознание и, возможно, что-то подобное происходит перед забоем животного по кошерным правилам. Через общение с жертвой мясник успокаивает ее и она тихо умирает. Из-за этого в мясо не попадают химические вещества, выделяемые животными от страха смерти, портящие вкус и, вероятно, вредные для тех, кто ест такое мясо. Возможно, растения и сочные фрукты даже хотят быть съеденными, но только при любящем к ним отношении человека, который срывает и съедает плод, а не при обычной бездушной эксплуатации растений человеком. По-видимому, христианский ритуал причастия также предназначен для установления подобной связи.

По мнению Бакстера, вполне возможно, плоду нравится становиться частью другой формы жизни, а не гнить на земле. Так же и человек, умирая, с облегчением переходит на более высокую ступень бытия.

Однажды Бакстер на глазах у корреспондента балтиморской газеты «Сан» (Sun) продемонстрировал, что растения и отдельные клетки улавливают сигналы неизвестной природы. Статья об этом появилась в «Сан», а ее выжимка в «Ридерз Дайджест» (Reader's Digest). Бакстер подсоединил гальванометр к филодендрону и принялся выяснять у журналиста год его рождения, как будто это он, журналист, был подсоединен к детектору лжи.

Бакстер назвал по порядку годы с 1925 по 1931, причем было условлено, что журналист всякий раз должен ответить «нет». После этого Бакстер определил настоящий год рождения, совершенно четко указанный растением.

Профессиональный психиатр д-р Аристид Эссер (Aristide H. Esser), директор исследовательской лаборатории больницы Рокленд Стэйт (Rockland State) в Нью-Йорке, успешно повторил этот эксперимент. Совместно с химиком Дугласом Дином (Douglas Dean), сотрудником Инженерного колледжа Ньюарк, они провели эксперимент с участием мужчины и его филодендрона, который он сам вырастил и очень любил.

Ученые подсоединили полиграф к растению и задали его владельцу несколько вопросов, предварительно попросив его отвечать то правду, то ложь. Цветок без труда указал посредством гальванометра на лживые ответы, и д-р Эссер, который до этого смеялся над опытами Бакстера, вынужден был признаться: «А ведь Бакстер все-таки прав, черт побери!»

Чтобы выяснить, обладают ли растения памятью, Бакстер разработал эксперимент, в котором растение должно было определить неизвестного убийцу другого растения. Для участия в опыте Бакстер отобрал шесть добровольцев из числа своих учеников. Некоторые из них были полицейскими с многолетним стажем. Шесть участников эксперимента вслепую вынули из шапки свернутые листки бумаги, на одном из которых было написано указание выдернуть с корнем, растоптать и полностью уничтожить один из двух цветков, росших в одной комнате. «Преступник» должен был совершить это злодеяние в полной тайне: ни Бакстер, ни другие пять добровольцев не знали, кто он. Таким образом, второй цветок оставался единственным свидетелем преступления.

Подсоединив детектор лжи к выжившему цветку и подведя к нему одного за другим всех шестерых подозреваемых, Бакстер определил виновника. Он уже не удивлялся тому, что растение никак не реагировало на пятерых участников, но стоило «преступнику» приблизиться к цветку, как стрелка гальванометра начинала бешено метаться. Конечно же, растение могло почувствовать и отразить в показателях гальванометра чувство вины «убийцы», но поскольку тот действовал в интересах науки и не чувствовал особых угрызений совести за содеянное, Бакстер предположил, что растение запомнило и узнало источник вреда, причиненного другому цветку.

Ученый также обнаружил, что между растением и его хозяином существует особая связь, не ослабевающая ни на каких расстояниях. Используя синхронизированные секундомеры, Бакстер заметил, что растения реагируют на его мысли, когда он находится в другой комнате, на другом конце коридора и даже в соседнем квартале. Тогда он отъехал от своего офиса на двадцать пять километров, а когда вернулся, то обнаружил, что его растения бурно отреагировали именно в тот момент, когда он решил к ним вернуться.

Затем Бакстер уехал читать лекции по всем Соединенным Штатам. Он рассказывал о своем первом опыте 1966 года и показывал слайд того самого «драконьего дерева». Растение, по-прежнему жившее в его рабочем кабинете в далеком Нью-Йорке, неизменно реагировало каждый раз, когда он показывал слайд с его изображением.

Кроме того, настроившись на определенного человека, растения способны поддерживать с ним постоянную связь, даже если он затеряется в многотысячной толпе. Накануне Нового года Бакстер отправился в самый центр Нью-Йорка с записной книжкой и секундомером в руке. На улицах была невероятная давка. Бакстер отмечал в своем блокноте, что сним происходит: вот он идет, бежит, спускается на эскалаторе в метро, вот его чуть не сбила машина, и вот он спорит с продавцом газет. Вернувшись в лабораторию, он обнаружил, что каждое из трех растений, подключенных к отдельному гальванометру, схоже отреагировали на его эмоциональные состояния во время этого маленького приключения.

Желая выяснить, реагируют ли растения на дальних расстояниях, Бакстер попросил свою знакомую записать детали ее тысячекилометрового перелета с пересадками, а сам подсоединил детекторы лжи к ее комнатным растениям. Используя синхронизированные часы, они обнаружили реакцию растений на эмоциональный стресс женщины в моменты приземления самолета.

Чтобы проверить реакцию растений на расстоянии миллионов километров и выяснить, влияет ли пространство на «глубинное восприятие» растений, Бакстеру хотелось бы отправить цветок с гальванометром на Марс, а самому отследить при помощи современных средств связи реакцию растения на эмоции его хозяина здесь, на Земле.

Радиоволны, распространяясь со скоростью света, преодолевают расстояние от Земли до Марса за 6–6,5 минут. Предлагаемый Бакстером опыт позволил бы определить, доходит ли сигнал человеческих эмоций до Марса быстрее электромагнитной волны. Бакстер же предполагает, что сигналы человеческих чувств распространяются мгновенно. Если окажется, что эмоциональный сигнал достигает Марса быстрее электромагнитных волн, то станет очевидным, что

человеческая мысль и чувства выходят за рамки нашего представления о времени и распространяются вне электромагнитного спектра.

«Согласно восточной философии, – говорил Бакстер, – существует вневременная связь между всем на свете. Вселенная находится в равновесии, и если в какой-то ее части равновесие нарушается, то нельзя ждать сотни световых лет, чтобы этот дисбаланс обнаружить и устранить. Возможно, речь идет как раз об этой вневременной связи, об этом единстве всего живого».

Бакстер так и не смог определить, каким образом человеческая мысль и чувства передаются растению. Он помещал растение в клетку Фарадея и в свинцовый контейнер, но оба эти экрана никоим образом не нарушили канал связи, соединяющий растения и человека. Следовательно, волны этой связи лежат за пределами электромагнитного спектра. Кроме того, они связывают не только существа, но даже отдельные клетки.

Однажды, порезав палец, Бакстер смазывал ранку йодом и вдруг заметил, что подключенное к полиграфу растение немедленно отреагировало, по-видимому, на смерть нескольких клеток пальца Бакстера. Хотя это могла быть реакция на эмоции Бакстера при виде крови или на ощущение жжения йода, он вскоре определил специфический график, который растение чертило при смерти любой живой ткани.

«А что, – подумал Бакстер, – если растение на клеточном уровне чувствует смерть даже отдельных живых клеток?»

Ответ на этот вопрос пришел совершенно случайно. Как-то полиграф начертил этот типичный график смерти, когда Бакстер размешивал ложку варенья в стаканчике с йогуртом. Сначала это показалось Бакстеру странным, но потом он понял, что содержащийся в варенье химический консервант убивал кисломолочные бактерии йогурта. Точно такое же объяснение нашлось и другому графику, который, как выяснилось, отображал реакцию растения на смерть бактерий в раковине, когда включали очень горячую воду.

Бакстер проконсультировался с профессиональным медиком-бактериологом д-ром Говардом Миллером (Howard Mil-

ler), и тот заключил, что, по-видимому, все живое наделено особым «клеточным сознанием».

Для проверки этой гипотезы, Бакстер научился подключать электроды к жидкостям, содержащим различные одноклеточные существа: амебы, парамеции (түфельки, род простейших организмов класса инфузорий), дрожжи, плесень, бактерии человеческого рта, кровь и даже сперму. По четкости и своеобразию нарисованных на ленте полиграфа графиков все они не уступали растениям. В частности, у спермы обнаружилось интересное свойство: сперматозоиды бурно реагировали на присутствие своего донора, но при этом никак не реагировали на других мужчин. Подобные наблюдения позволяют предположить, что даже отдельные клетки обладают какой-то особой, всеобъемлющей памятью, а головной мозг является не органом хранения информации, но лишь ее приемником.

«По-видимому, способность чувствовать не ограничивается клеточным уровнем, а распространяется до молекулярного, атомного и субатомного уровней, – говорит Бакстер. – Мы привыкли считать неживыми многие предметы. Возможно, нам придется пересмотреть наш взгляд на природу жизни».

Убедившись в огромном значении наблюдаемого им явления для науки, Бакстер загорелся желанием опубликовать результаты своих опытов в научном журнале с тем, чтобы другие ученые могли их проверить. Научный метод требует, чтобы повторение опыта разными учеными в разных местах давало схожий результат. Но с этим-то и возникли наибольшие трудности.

Бакстер обнаружил, что растения быстро настраиваются на определенного человека и поэтому их реакция зависит от экспериментатора. Результаты одного и того же опыта, проведенного разными людьми, могут оказаться различными. Из-за «обмороков» растений, как в случае с канадским физиологом, порой казалось, что «эффекта Бакстера» вообще не существует. Неравнодушного отношения к эксперименту и даже знания точного времени его проведения было порой достаточно, чтобы «спугнуть» растение, и реакция отсутствовала. Так Бакстер пришел к заключению, что подлежащие вивисекции животные определяют намерения своих палачей

и сознательно удовлетворяют ожидания экспериментатора, чтобы поскорее окончить пытку. Даже когда Бакстер со своими коллегами обсуждали предстоящий опыт в комнате отдыха за три комнаты от помещения с растениями, образы, возникавшие в умах людей во время разговора, по-видимому, влияли на растения.

Так Бакстер понял, что для доказательства существования наблюдаемого им феномена необходимо провести полностью автоматизированный эксперимент без всякого участия людей. На разработку такого эксперимента и безупречно работающего автоматического оборудования Бакстер потратил два с половиной года и несколько тысяч долларов, часть которых была предоставлена Фондом парапсихологии. С помощью ученых разных дисциплин была выработана сложная система контрольных опытов.

В конце концов Бакстер остановился на таком опыте: в случайно выбранные моменты времени робот убивал живые клетки, а полиграф записывал реакцию растений. При этом весь процесс был полностью автоматизирован и проводился при полном отсутствии людей в лаборатории или рядом с ней.

В качестве агнцев на заклание Бакстер выбрал крошечных артемий (раков, часто встречающихся в соленых и солоноватых водных водоемах), продающихся в зоомагазинах как корм для аквариумных рыбок. Жертвы непременно должны быть живыми, здоровыми и энергичными, так как предыдущие опыты показали, что больные или умирающие ткани уже не передают растениям сигнала о своей смерти. Определить состояние морских раков было несложно: основным занятием здоровых самцов является погоня за самками и совокупление с ними.

Устройство для убийства этих любвеобильных существ состояло из небольшой тарелки, которая автоматически погружалась в кастрюлю с кипятком. Тарелка приводилась в движение специальным механическим устройством, которое выбирало для этого случайный момент времени. Таким образом, ни Бакстер, ни его помощники не знали и не могли знать, в какой момент произойдет это событие. Чтобы исключить возможность воздействия на растения самого процесса опускания тарелки в кастрюлю, оборудование было

запрограммировано иногда опускать в кипяток тарелку с водой, но без раков.

Три растения подсоединялись к трем гальванометрам в трех разных комнатах. Четвертый гальванометр подсоединялся к предмету с постоянным сопротивлением и отслеживал возможные случайные отклонения показаний гальванометров вследствие скачков напряжения в электрической сети или изменений электромагнитного поля в комнатах, где производился эксперимент. Все растения помещались в условия с постоянным и идентичным освещением и температурой. Кроме того, растения привозились в лабораторию извне. Им давали акклиматизироваться и почти не трогали до самого начала опыта.

Для опыта выбрали растения вида филодендрон сердцевидный (*Philodendron cordatum*) с большими плотными листьями, способными выдержать давление электродов. Для каждого повторения опыта использовались новые растения этого вида.

Проверяемая Бакстером научная гипотеза, говоря научным языком, была следующей: *растения наделены доселе неизученным глубинным восприятием, которое, в частно- неизученным глубинным восприятием, которое, в частно-* выражается в реакции растений на уничтожение животных клеток на расстоянии; причем это восприятие не зависит от человека.

Результаты опыта подтвердили, что все растения резко и одновременно реагировали на гибель раков в кипящей воде. Автоматическая система записи реакции растений, проверенная независимыми учеными, показала, что растения реагировали на смерть раков в пять раз чаще, чем можно было бы объяснить случайностью.

Весь опыт и его результаты были опубликованы зимой 1968 года в десятом томе Международного журнала парапсихологии в научном докладе под названием «Доказательство способности растений к глубинному восприятию». Теперь любой ученый мог попробовать повторить эксперимент Бакстера и сверить его результаты со своими.

Более семи тысяч ученых приобрели копии этого доклада. Исследователи из двадцати американских университетов заявили о своем намерении повторить опыт Бакстера, как

только достанут необходимое оборудование. Благотворительные фонды проявили интерес к финансированию дальнейших исследований. Средства массовой информации, сперва проигнорировавшие доклад Бакстера, растирублнили эту историю по всему миру после того, как журнал «Дикие животные Америки» (National Wildlife) набрался храбрости и опубликовал обширную статью о его экспериментах в номере за февраль 1969 года. Открытие Бакстера обрело столь большую известность, что по всему миру секретарши и домохозяйки принялись беседовать со своими растениями, а *Dracaena massangeana* стала темой разговоров на кухне за чашкой чая.

Читателей больше всего поразила мысль о том, что деревья способны бояться лесоруба, а морковь – зайцев. Возможности же применения эффекта Бакстера в медицинской диагностике, расследовании уголовных преступлений и шпионаже были столь многообещающи, что редакторы журнала даже не осмелились упомянуть о них в своей статье.

Автор статьи в «Международном медицинском вестнике» (Medical World News) от 21 марта 1969 года отметил, что исследования экстрасенсорного восприятия, похоже, скоро станут достойны признания официальной науки, в котором исследователям психических явлений было отказано с момента основания в 1882 году в Кембридже Британского общества исследования психических феноменов».

Уильям Бондюран (William M. Bondurant), директор Фонда им. Мэри Рэйнольд Бэбок из Северной Каролины, объясняя свое решение выделить Бакстеру десять тысяч долларов на продолжение исследований, заявил: «Его эксперименты указывают на возможность существования глубинной связи между всеми живыми существами, связи, выходящей за пределы известных нам законов физики. Подобная проблема достойна изучения».

На выделенные средства Бакстер приобрел более дорогое оборудование, включая электрокардиографы и электроэнцефалографы. Эти приборы, обычно использующиеся для измерения электрических сигналов сердца и мозга, имеют по сравнению с гальванометром большое преимущество: они не пропускают через растение ток, а только записывают изме-

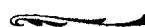
нения их электрического потенциала. Кардиограф оказался более чувствительным, чем гальванометр, энцефалограф – в десять раз чувствительнее кардиографа.

По счастливой случайности перед Бакстером открылась целая новая область исследований. Однажды вечером он собирался скормить сырое яйцо своему доберман-пинчеру и заметил, что одно из подключенных к полиграфу растений бурно отреагировало, когда он разбил скорлупу яйца. На следующий день произошло то же самое. Бакстеру стало интересно, что может чувствовать яйцо. Он подключил к нему гальванометр и погрузился в новые исследования.

Бакстер сделал девятичасовую запись сигналов яйца. Они соответствовали ритму сердцебиения четырехдневного зародыша курицы, 160–170 ударов в минуту. Но было здесь одно «но»: это яйцо не было оплодотворенным. Тогда Бакстер разбил его и провел тщательное исследование. К его изумлению, в яйце отсутствовала какая бы то ни было система циркуляции жидкости, которая могла бы объяснить наблюдавшуюся пульсацию. Похоже, Бакстер наткнулся на какую-то *полевую*, а не физическую, структуру, малоизвестную современной науке.

Пожалуй, единственным до Бакстера исследователем в этой области был профессор медицинского факультета Йельского университета Гэрольд Сакстон Бурр (Harold Saxton Burr), который в 1930–1940-х годах провел удивительные исследования энергетических полей, окружающих растения, человека и даже отдельные клетки. Исследования Бурра только сегодня получают должное признание.

Бакстер временно приостановил опыты с растениями и посвятил себя исследованию нового явления, обнаруженного в яйце. Эти исследования имеют огромное значение для понимания происхождения жизни, и о них можно было бы написать отдельную книгу¹.

¹ В 2003 году Клайв Клив Бакстер опубликовал свою единственную книгу «Глубинное восприятие» (Primary Perception), в которой обобщил результаты своих 38-летних исследований. – Прим. перев.

Глава 2 РАСТЕНИЯ ЧИТАЮТ МЫСЛИ

Пока Бакстер проводил свои эксперименты на востоке США, одного очень занятого ученого-химика по имени Марселя Богель (Marcel Vogel), работающего в IBM в Лос Гатос, штат Калифорния, любезно попросили прочитать курс лекций о «творчестве» для инженеров и ученых компаний. Богель всерьез принялся за дело, и лишь тогда понял, насколько широко это понятие. В его голове постоянно вертелись вопросы: «Что такое творчество? Кого можно назвать человеком творческим?» В поиске ответов, Богель, многие годы учившийся на священника-францисканца, набросал основные тезисы для двенадцати двухчасовых семинаров по творчеству. Он надеялся, что его лекции произведут фурор среди слушателей.

Сам Богель еще в детстве познал, что такое творчество. Ему захотелось узнать, почему светятся светлячки и некоторые виды червей. Покопавшись в библиотеках, он так и не нашел исчерпывающей информации о люминесценции. Тогда он объявил своей матери, что справится сам, да еще напишет об этом книгу. И что же, десять лет спустя, Богель и Питер Прингшайм (Peter Pringsheim) из Университета Чикаго опубликовали книгу «Люминесценция в твердых и жидких средах и ее практическое применение» (Luminescence in Liquids and Solids and Solids and Their Practical Application). Еще через два года Богель открыл корпорацию «Люминесценция Богеля» (Vogel Luminescence) в Сан-Франциско,

которая стала лидером в этой области. За пятнадцать лет компания Богеля внедрила ряд новшеств: красный цвет, видимый на экране черно-белого телевизора; флуоресцентные карандаши; яркие этикетки для ядохимикатов; составы, попадающие в мочу грызунов, и позволяющие отследить скрытые места их обитания в подвалах, канализациях и развалинах; психodelические краски, столь популярные среди участников движения Нью Эйдж.

В середине 1950-х годов Богелью наскутила рутинна управления своей корпорацией, и в один прекрасный день он ее продал и устроился на работу в компанию IBM. Там ему предоставилась возможность полностью посвятить себя научно-прикладным исследованиям. Он с головой погрузился в изучение магнетизма, колдовал над оптико-электрическими приборами и жидкими кристаллами; патентовал важные изобретения, связанные с хранением компьютерной информации. Вскоре стены его дома были увешаны дипломами и наградами.

Кульминацией курса лекций, который Богель читал для сотрудников IBM, стала принесенная одним из слушателей статья Бакстера «Есть ли эмоции у растений?» (*Do Plants Have Emotions?*), опубликованная в журнале *«Argo»* (*Argosy*). Эта статья перевернула представления Богеля о творчестве. Правда, вначале он чуть было не выбросил журнал в мусорное ведро, посчитав Бакстера очередным шарлатаном, на которого не стоит даже обращать внимания. Но мысль о том, что растения способны чувствовать, крепко засела в его голове. Через пару дней Богель внимательно перечитал статью и остался о Бакстере весьма хорошего мнения.

Статья, прочитанная вслух слушателям семинара, вызвала не только насмешки, но и любопытство. Пока студенты шумно обменивались впечатлениями от услышанного, Богель уже твердо решил начать эксперименты с растениями. В тот же вечер один из слушателей рассказал Богелю о том, что в последнем номере журнала *«Популярная электроника»* (*Popular Electronics*) упоминаются опыты Бакстера и приведена электрическая схема некоего прибора под названием «психоанализатор», улавливающего и усиливающего

реакции растений. Собрать такой прибор стоило всего 25 долларов.

Богель разделил своих студентов на три группы и дал им задание повторить опыты Бакстера, но ни одна группа не добилась положительного результата. Сам же Богель оказался более удачливым, и он смог повторить некоторые результаты экспериментов Бакстера. Он продемонстрировал слушателям, как растения предчувствуют, что им оторвут листья и тревожатся при одной только угрозе сожжения или выдергивания с корнем. Эта угроза вызывает у них даже больше беспокойства, чем реальное вырывание, сожжение или повреждение. Но странно: почему же никто, кроме него, не смог повторить этот эксперимент? В детстве Богель интересовался всем, что связано с работой человеческого сознания. Он проштудировал немало литературы о магии, спиритизме и гипнозе, и еще подростком давал публичные сеансы гипноза.

Особенно его поразили: теория Месмера (Mesmer) о вселенском эфире, равновесие которого обеспечивает здоровье, а нарушение равновесия вызывает болезнь; идеи Куе (Соце) о самовнушении, при помощи которого можно устраниćть боль при родах и улучшить самочувствие; упоминания различных авторов о «психической энергии», о которой одним из первых заговорил Карл Юнг (Carl Jung), утверждавший, что она не только отличается от физической энергии, но даже имеет другую природу.

Если «психическая энергия» существует, рассуждал Богель, то ее, как и другие виды энергии, можно накапливать и хранить. Но как и в чем? Богель разглядывал химические реактивы на полках своей лаборатории в IBM и прикидывал, какой из них подойдет для хранения этого вида энергии.

Он решил обратиться за помощью к своей знакомой, экстрасенсу Вивьен Вилей (Vivian Wiley). Она внимательно рассмотрела расставленные перед ней химикаты и объявила, что, по ее мнению, в качестве накопителя психической энергии ни один из них не подходит. Тогда Богель попросил ее забыть обо всех этих химических веществах и попробовать найти что-то еще, прислушавшись к голосу интуиции. Вернувшись домой, Вивьен сорвала в своем саду два листика

камнеломки; один она положила на столик около кровати, а другой – в гостиную. Богелью она объяснила: «Каждое утро, проснувшись, я буду смотреть на лист возле кровати и мысленно просить его, чтобы он не увядал; а на другой лист не стану обращать никакого внимания. Посмотрим, что будет».

Через месяц она попросила Богеля прийти к ней домой и принести фотоаппарат, чтобы запечатлеть листики на пленку. Богель не поверил своим глазам. Лист, на который не обращали внимания, завял, потемнел и начал разлагаться. Лист же, на котором Вивьен ежедневно концентрировала свое внимание, был свежий и зеленый, словно его только что сорвали. Казалось, какая-то сила бросила вызов законам природы и поддержала жизнь в сорванном листе. Богель решил повторить эксперимент своей знакомой, сорвал у росшего неподалеку от его лаборатории вяза три листа и положил их на стеклянную тарелку рядом со своей кроватью.

Каждый день перед завтраком Богель сосредотачивался на двух листах, лежащих на краях тарелки, с любовью упрашивая их не увядать. На лист, лежащий в центре тарелки, он старался не обращать никакого внимания. За неделю лист в центре потемнел и съежился, а другие два листа оставались свежими и зелеными. Что особенно удивительно, у здоровых листьев даже затянулись ранки на черешках, которыми они были прикреплены к дереву.

Тем временем Вивьен Вилей продолжала свой опыт и через некоторое время принесла Богелью те самые два листа, которые он уже видел. Один лист оставался свежим уже два месяца, тогда как другой совершенно высох и покернел.

Так Богель воочию убедился в реальном существовании «психической энергии». Если усилием разума вопреки всем известным законам можно поддерживать жизнь в оторванном листе, то не может ли мысль человека повлиять на жидкие кристаллы, которые Богель активно изучал в IBM?

При помощи специального микроскопа Богель сделал сотни цветных фотографий жидких кристаллов с увеличением в триста раз. Фотографии получались столь яркими и необычными, что ничуть не уступали лучшим работам художников-абстракционистов. Проводя фотосъемку, Богель

вдруг понял, что стоило ему расслабиться и «отпустить мысли», и он начинал чувствовать процессы, невидимые в микроскоп.

«Я стал замечать под микроскопом то, что не видели другие. Но видел я все это не глазами, а своим сознанием. Когда я научился видеть невидимое, моя чувствительность перешла на новый уровень, и я стал подбирать освещение так, чтобы эти невидимые феномены стали доступны глазу человека и фотоаппарату».

Тогда Богель пришел к неожиданному заключению. Кристаллы появляются в своей материальной форме благодаря особым матрицам, или нефизическим образам из чистой энергии, которые предчувствуют появление физической материи. А так как растения могут предчувствовать намерения человека (к примеру, агрессию), то Богелью стало совершенно ясно, что мысль создает определенное энергетическое поле.

К осени 1971 года Богель с головой ушел в микросъемку кристаллов и забросил свои эксперименты с растениями. Но тут в журнале «Меркурий» (Mercury) вышла статья, посвященная его исследованиям, с лестными отзывами доктора Джины Серминара (Gina Cerminara), известного психолога и автора популярной книги о ясновидящем Эдгаре Кайсе (Edgar Cayce). Информационное агентство Ассошиэйтед Пресс (Associated Press), распространяло эту статью по всему миру. Богель оказался в центре внимания, от него требовали дополнительной информации, и он решил продолжить свои исследования.

Прежде всего Богель решил усовершенствовать способы крепления электродов к листьям растения, чтобы более точно отслеживать влияние мыслей и эмоций человека на растения. Он стремился устраниТЬ воздействие на самописец случайных электромагнитных колебаний вроде шума работающего поблизости пылесоса или других помех, которые являются основной причиной искажения данных. Именно по этой причине Бакстер проводил большинство своих экспериментов от полуночи до рассвета.

Богель также обнаружил, что одни филодендроны реагировали на раздражение быстрее, чем другие, у одних реак-

ция была резкой и отчетливой, у других – менее выраженной, и даже листья одного и того же растения обладали неповторимым характером и индивидуальностью. Самыми «трудными» в работе оказались листья с большим электрическим сопротивлением; легче всего работалось с мясистыми листьями, содержащими много воды. У растений наблюдались периоды активности и отдыха, в зависимости от времени суток и лунных циклов.

Чтобы обеспечить чистоту эксперимента и устраниТЬ внешнее воздействие на электроды, Богель разработал клейкое вещество, состоящее из воды, агар-агара, загустителя из смолы карри и соли. Сначала он наносил этот состав на листья растения, затем поверх него осторожно прикреплял тщательно защищенные электроды из нержавеющей стали, длиной в один сантиметр. Застывшее желе из агар-агара запечатывало электроды в полужидкой среде и таким образом практически устраняло внешнее воздействие на участки листьев, соприкасающиеся с электродами. Так воздействие посторонних факторов на показания приборов было сведено на нет, и точность измерений значительно возросла.

Весной 1971 года Богель начал новую серию исследований с целью определить момент установления связи между филодендроном и человеком. Он подсоединял филодендрон к гальванометру, самописец которого чертил совершенно прямую горизонтальную линию. Затем учёный принимался глубоко дышать и, расслабившись, становился перед растением почти касаясь его листьев расставленными пальцами. Он посыпал филодендрону эмоции симпатии и любви, подобные тем, которые он мог бы испытывать к своим лучшим друзьям. Каждый раз самописец начинал чертить волнобразные восходящие линии. В то же время Богель явственно ощущал на ладонях рук потоки энергии, исходящей от растения.

Спустя 3–5 минут растение переставало реагировать на положительные эмоции Богеля, словно отдав всю свою энергию в ответ на проявления добрых чувств человека.

Взаимодействие учёного с растением напомнили ему отношения между близкими друзьями или влюбленными, которые давно не виделись и, наконец, встретились. Первая

встреча вызывает наибольший всплеск эмоций, но постепенно эмоциональная энергия иссякает и нуждается в пополнении. Как и любовники, Богель и растение чувствовали прилив радости и удовлетворения.

В питомниках, среди множества растений, Богель мог с легкостью распознавать особенно чувствительные. Для этого он водил над ними ладонью до тех пор, пока не ощущал, по его словам, легкий холодок, а затем серию электрических импульсов – все это указывало на наличие мощного поля. Богель стал проделывать эксперименты постепенно увеличивая расстояние между собой и растением. Как и Бакстер, в своих опытах с растением он добился тех же ощущений сначала за пределами помещения, затем за квартал от помещения, и даже находясь в своей лаборатории, в 13 километрах от растения.

Затем Богель устроил такой эксперимент: подключил два растения к одному и тому же прибору, а затем отщипнул лист у одного из них. Второе растение реагировало на боль своего соседа, но лишь в том случае, если Богель обращал на него свое внимание. Если же учёный отрывал лист у одного растения не обращая на другое внимания, то последнее никак не реагировало. Богель и первое растение – словно влюбленные, уединившиеся на лавочке в парке и совершенно не замечающие прохожих. Но вдруг молодой человек отвлекается на проходящую мимо девушку и на миг забывает о своей подруге.

Из собственного опыта Богель знал, что учителя йоги и других методов глубокой медитации, вроде Дзен, находясь в медитативном состоянии, совершенно не реагируют на внешние раздражители. Энцефалограф показывает, что волны, исходящие от мозга человека в медитации, совершенно отличаются от мозговых волн того же человека в обычном состоянии. Постепенно Богель стал понимать, что его особое сосредоточенное состояние является основой для взаимодействия с растением. Он переключался со своего обычного состояния сознания, концентрируясь на мысли о том, что растению хорошо и радостно, его любят и искренне желают, чтобы оно росло здоровым и сильным. Растение чувствовало этот настрой и выходило из состояния дремы.

Похоже, взаимодействие растения и человека происходило именно на этом уровне; человек, таким образом, мог бы считывать информацию о событиях или живых объектах через растение, фиксируя его реакцию с помощью приборов. Обычно на налаживание контакта с растением Богелью хватало от нескольких минут до получаса.

Когда ученого просили подробно описать этот процесс, он отвечал, что сначала успокаивает все свои чувства, дабы ощутить энергетическую связь с растением. Как только достигнуто равновесие между биоэлектрическими потенциалами растения и человека, растение перестает реагировать на шумы, температуру, окружающие электрические поля и другие растения. Оно реагирует только на Богеля, который смог хорошо настроиться или просто загипнотизировать растение.

Когда ученый почувствовал уверенность в себе, ему захотелось провести эксперименты с растениями на публике. В одной из передач местного телевидения в Сан-Франциско растение, подсоединенное к самописцу, наглядно отражало различные эмоции Богеля: от раздражения от вопросов журналиста до состояния гармонии при общении с растением. По просьбе режиссера одной из передач телекомпании ABC ученый показывал реакцию растения на его мысли или мысли другого человека: приборы четко регистрировали бурную реакцию растения на всплеск человеческих эмоций и его возврат к нормальному состоянию.

На своих лекциях Богель уверенно заявил: «Факт остается фактом, человек может общаться и общается с растениями. Растения – живые, чувствующие существа. Они создают вокруг себя особое пространство. Пусть они кажутся нам глухими, слепыми и немыми, но для меня совершенно очевидно то, что растения являются прекрасным индикатором человеческих эмоций. Растения излучают полезные человеку энергии. И мы все способны их чувствовать! Они заряжают человека энергией, а человек, в свою очередь, заряжает их». Индейцы Северной Америки прекрасно знали об этих свойствах растений. При необходимости индейцы уходили в лес, находили подходящую сосну и, разведя руки в стороны, прислонялись к ней спиной, чтобы подзарядиться ее энергией.

Когда Богель начал демонстрировать публике чувствительность растений на измененное состояние сознания человека, он заметил, что скептицизм и враждебность некоторых зрителей производят на него очень странное воздействие. Он стал обращать внимание на негативное отношение, исходящее от зрителей, и обнаружил, что методом глубокого дыхания (которому он научился на занятиях по йоге) может изолировать тех, кто истоцает эти эмоции. Затем он создавал положительный мыслеобраз и переключался на него, точно так же, как мы крутим ручку радио, настраиваясь на другую волну.

«Враждебность и негативные эмоции, исходящие от зрителей, – отметил Богель, – являются основным препятствием для налаживания хорошего контакта с растением. Самой трудной задачей в публичных экспериментах с растениями является нейтрализация этих эмоций. Если мне не удается это сделать, растение и, конечно же, прибор, замирают до тех пор, пока я не разберусь с отрицательными эмоциями и не установлю новую позитивную связь с растением».

«Мне кажется, – говорил он, – что я – посредник, фильтрующий реакцию растения на окружающие воздействия. Я могу снять этот фильтр, чтобы связать напрямую растение и зрителей. При этом, заряжая растение своей энергией, я могу повысить его чувствительность. Здесь очень важно понять, что, по-моему, при контакте с растением вы не общаетесь с разумом в обличье растения. Скорее растение становится инструментом, продолжением чувствительности человека. В этом случае человек может взаимодействовать с биоэнергетическим полем растения или через него с мыслями и эмоциями других людей».

Богель сделал вывод, что Энергия Жизни, или Космическая Энергия, которая окружает всё живое, является основой жизни и растений, и животных, и человека. Таким образом, человек и растение – единое целое. «Это единство делает возможным не только общение человека и растения, но и запись этого общения через растение на ленту самописца».

Из своих наблюдений Богелью стало ясно, что при общении человека и растения происходит обмен и даже смешение их энергий. Тогда он задался вопросом, может ли человек с

экстрасенсорными способностями *войти в растение*. История упоминает о немецком мистике Якобе Беме (Jakob Boehme), жившем в шестнадцатом веке, который уже в молодом возрасте просветел и мог видеть другие измерения.

По словам самого Бема, он смотрел на растение и усилием воли сливался с ним, становился его частью, ощущал, что «все его существо стремится к свету». Он мог разделить простые радости растения и «наслаждаться жизнью вместе с беззаботно растущим листом».

Однажды к Богелью приехала Дебби Сапп (Debbie Sapp), тихая, застенчивая девушка, поразившая ученого тем, что, по показаниям приборов, она могла входить в мгновенный контакт с его филодендроном.

Когда растение безмятежно дремало, ученый вдруг спросил девушку: «Можешь войти в этот цветок?» Дебби кивнула, и ее лицо приняло спокойное и отрешенное выражение, словно она витала где-то в другой вселенной. И тут же самописец стал рисовать зигзагообразную кривую, означавшую, что цветок получает огромный прилив энергии.

Позже Дебби описала это событие так:

«Г-н Богель попросил меня расслабиться и спроектировать себя на филодендрон. Я стала выполнять его просьбу, и со мной произошло следующее.

Сначала я не знала, как мне войти в растение. Я решила подключить свое воображение и вдруг поняла, что захожу в стебель через вход у его основания. Внутри цветка я увидела движущиеся клетки и поднимающуюся по стеблю воду, тогда я решила подняться вверх вместе с водой.

Когда я в своем воображении стала приближаться к разветвлениям листьев, то почувствовала, что меня перетягивает из воображаемого мной мира в реальность, где я теряла всякий контроль над своими действиями. Я не видела образов, а скорее ощутила, что наполняюсь и становлюсь частью чего-то огромного, всеобъемлющего. Я могла бы назвать это ни чем иным как чистым сознанием.

Я почувствовала принятие и мягкую защиту со стороны растения. Я не ощущала времени, но лишь единство со всем сущим. Я вдруг улыбнулась и позволила себе слиться с растением. Потом г-н Богель попросил меня расслабиться. Когда он

произнес эти слова, я поняла, что ужасно устала, но в душе у меня было мирно и спокойно. Я была растением».

Богель, наблюдавший за кривой самописца, обратил внимание на внезапную остановку в тот самый момент, когда девушка «вышла» из цветка. В дальнейшем, когда Дебби снова «входила» в растение, она могла в мельчайших подробностях описать строение и форму его клеток. Она отметила, что один из листьев цветка сильно обожжен электродом. Тогда Богель снял электрод и обнаружил, что этот лист действительно был почти что прожжен насеквозд.

С тех пор Богель пытался повторить тот же эксперимент с десятками других людей. Он просил их войти в отдельный лист и просмотреть форму и структуру его клеток. Все до единого давали схожее описание клеток вплоть до строения молекул ДНК. Тогда Богель сделал вывод: «Человек способен входить в клетки собственного организма и влиять на них в зависимости от состояния своего сознания. Однажды таким образом мы сможем выяснить причину всех наших болезней».

В Страстную пятницу 1973 года по телевидению показали документальный фильм о способностях человека входить в растение и находить в нем повреждения. Команда телекомпании CBS сняла эксперимент с растениями, в котором участвовали Богель и д-р Том Монтелбоно (Tom Montelbono), работающий с Богелем более года. К замешательству обоих ученых, растение не реагировало обычным образом, и съемки были на грани срыва. Тогда Богель попросил Монтелбоно проверить, все ли в порядке с электродами. К удивлению съемочной группы, Монтелбоно, вместо того, чтобы ковыряться с электродами, присел на стул и, на минуту сосредоточившись, объявил, что из-за поврежденных клеток в правом верхнем углу листа (как раз то место, где был подсоединен электрод) произошло короткое замыкание электрической цепи. В присутствии съемочной группы электрод сняли, а под ним на листе нашли повреждение, в точности описанное Монтелбоно.

Дети всегда открыты ко всему новому. Зная это, Богель стал обучать их общению с растениями. Сначала он просил их прочувствовать лист, описать в подробностях его темпе-

ратуру, текстуру, консистенцию. Затем он давал им согнуть лист и ощутить его упругость, затем ощупать, тихонько пожлопыvая лист с обеих сторон. Если ученики описывали свои ощущения с удовольствием и радостью, Богель просил отпустить листья и почувствовать исходящую от них силу или энергию. Многие дети сразу сообщали об ощущениях покалывания и пульсации.

Богель заметил, что наиболее сильные и яркие ощущения были у детей, которые отдавались своему занятию целиком. Как только кто-нибудь чувствовал покалывание, он говорил: «А теперь полностью расслабься и почувствуй, как вы с растением обмениваетесь своими энергиями. Как только придет ощущение пульсации, осторожно поводи рукой над листом вверх-вниз». Дети выполняли его просьбы и ясно видели, что когда рука опускается, листья отклоняются в сторону. Повторяя движение вверх-вниз снова и снова, дети добивались того, что листья начинали колебаться. С помощью обеих рук дети заставляли растения раскачиваться из стороны в сторону. При уверенном выполнении этого упражнения, дети начинали тренироваться на всё большем расстоянии от растения.

«Эти простые упражнения помогают осознать и почувствовать невидимые энергии. Развив чувствительность, человек обретает способность управления этими силами».

По словам Богеля, взрослые добиваются в этом гораздо меньших успехов, чем дети. Он предположил, что далеко не все ученые смогут воспроизвести в своих лабораториях его личные опыты и эксперименты Бакстера. «Если подходить к таким экспериментам формально и механистично, – подчеркивал Богель, – не пытаться наладить взаимный контакт с растением и не воспринимать его как лучшего друга, то результат будет нулевым». И действительно, один ученый из Калифорнийского общества психологов (California Psychical Society) сообщил Богелю, что не смог повторить ни одного опыта, хотя работал над ними не один месяц. Та же участь постигла и одного известного психоаналитика из Денвера.

«Крушение планов и разочарование будут преследовать ученых всего мира, пока они не поймут одну вещь: ключ к успеху – связь между человеком и растением и умение уста-

новить эту связь. Положительный результат зависит не от точного соблюдения условий эксперимента, а от подготовки, и что особенно важно, от духовного развития самого экспериментатора. Но это уже противоречит философии многих ученых. Им невдомек, что творческий эксперимент подразумевает, что исследователь и исследуемое явление должны слиться и стать единым целым».

Здесь можно заметить различия в подходах Богеля и Бакстера: Богель, похоже, контролирует растение с помощью гипноза; Бакстер же утверждает, что растения четко реагируют на окружающую их среду даже без всякого вмешательства человека.

Богель отметил, что люди, умеющие устанавливать контакт с растениями, далеко не всегда оказывают на них благоприятное воздействие. Однажды к нему приехал друг-психотерапевт, чтобы своими глазами убедиться в возможности общения с растениями. Богель попросил его отойти от филодендрона на пять метров и направить на него сильную эмоцию. Растение мгновенно отреагировало на эмоцию человека: перо самописца заметалось и вдруг замерло. Тогда Богель спросил своего друга, о чём он подумал. Тот ответил, что мысленно сравнивал растение Богеля со своим филодендроном, который растет у него дома, и отметил, что цветок Богеля гораздо хуже его собственного. Растение Богеля так «обиделось», что остаток дня замкнулось в себе и отказывалось реагировать на что бы то ни было. На самом деле оно продолжало «сердиться» целых две недели. Без сомнения, растения чувствовали антипатию к некоторым людям, вернее не к самим людям, а к их мыслям.

У Богеля не осталось никаких сомнений: при помощи растения можно научиться читать человеческие мысли. В некоторой степени это ему уже удалось. Богель попросил одного физика-ядерщика обдумать какую-нибудь техническую проблему. Пока физик размышлял над задачей, самописец регистрировал ряд колебаний в течение 118 секунд. Когда колебания угасли, Богель сказал физику, что тот, видимо, закончил мыслительный процесс. И получил положительный ответ.

Похоже, Богелю удалось зарегистрировать с помощью

растения мыслительный процесс человека. Через несколько минут он попросил физика подумать о своей жене. И снова на ленте самописца появились колебания уже в течение 105 секунд. Вогель понял, что прямо на его глазах, в гостиной его дома растение почувствовало и передало на ленте самописца человеческие мысли и чувства. Осталось только научиться расшифровывать эти кривые, и тогда можно читать человеческие мысли!

После перерыва на чашечку кофе, Вогель ненавязчиво попросил друга подумать о жене еще раз, так же, как он это делал в прошлый раз. Самописец зарегистрировал очень похожие на прошлые колебания в течение 105 секунд. В практике Вогеля это был первый случай, когда растение зарегистрировало и воспроизвело на ленте идентичные мысли.

С помощью таких экспериментов можно распознать различные виды энергий, исходящих от человека, интерпретировать их и ввести в память специального компьютера. И тогда можно будет точно знать, о чем думает человек.

Однажды Вогель принимал у себя группу скептически настроенных психологов, врачей и программистов. Ученый предложил гостям осмотреть свое оборудование на предмет скрытых устройств и «жучков», которыми, по их мнению, были напичканы приборы Вогеля. Затем он попросил их сесть в круг, начать беседу и посмотреть, какие мысли и чувства присутствующих людей затронут растение? Целый час группа болтала о том, о сем, а растение же почти не обращало на людей внимания. Присутствовавшие уже заподозрили, что эксперименты Вогеля с растениями не что иное, как мошенничество. Но тут один из гостей сказал: «А давайте поговорим о сексе!» Каково же было всеобщее удивление, когда растение вдруг оживилось, а самописец стал отчаянно вычерчивать на ленте зигзаги. Это навело на мысль, что во время разговоров о сексе люди излучают в атмосферу особую сексуальную энергию, «оргон», обнаруженную и изученную д-ром Вильгельмом Рейхом (Wilhelm Reich), а древние ритуалы повышения плодородия (где люди совершали половой акт на только что засеянном поле) могли действительно стимулировать рост растений.

Растение также реагировало на страшные истории, рассказываемые в темной комнате, освещаемой лишь одной свечой с красным абажуром. В критические моменты, вроде: «и тут дверь в черной избушке в черном лесу стала медленно открываться...» или «вдруг из-за угла выскочил черный человек с ножом в руке...» или «Чарли нагнулся и поднял крышку гроба...», растение просыпалось и начинало «прислушиваться». По-видимому, мыслеобразы людей сливались в единое энергетическое поле и оказывали воздействие на растение.

Д-р Хал Пусофф (Hal Puthoff), работающий психологом в НИИ Стенфорда (Stanford Research Institute) в Пало Алто, пригласил Вогеля и пятерых других ученых поучаствовать в эксперименте с куриным яйцом, к которому подключен электропсихометр, или «Е-метр», разработанный основателем сайентологии Л. Роном Хаббардом (L. Ron Hubbard). Действие «Е-метра» было примерно аналогично действию психоанализатора, которым пользовался Вогель на своих семинарах по творчеству. Пусофф попытался продемонстрировать реакцию подключенного к «Е-метру» яйца, когда в его присутствии разбивают другое яйцо. Он разбил одно за другим три яйца, но ничего не происходило. Вогель с разрешения Пусоффа, положил руку на яйцо и вступил с ним в контакт, как он это делал ранее со своими растениями. Через минуту стрелка гальванометра на шкале начала двигаться и в конце концов замерла на месте. Вогель отошел на три метра и стал разводить и сводить руки – стрелка заколебалась. Затем Пусофф и другие присутствующие попытались повторить то же самое, но у них ничего не вышло.

Ранее колебания стрелки объясняли изменением сопротивления кожи человека, к которому подключены электроды. Этому явлению дали название «гальваническая реакция кожи», или ГРК. Но так как у растения нет кожи, это явление у растений назвали «психо-гальванической реакцией», или ПГР.

«ПГР наблюдается не только у растений, но и у любых форм жизни. Сознание концентрирует энергию мысли и по команде высвобождает ее в виде серии пульсирующих толчков. Так энергия мысли, выпущенная в определенном направ-

влении, может проникать сквозь стекло, металлы и другую материю. Но это явление до сих пор хорошо не изучено».

Экстрасенс из России Нина Кулагина обладает способностью отклонять стрелку компаса, проводя над ним рукой. Но это еще что! В Университете Стенфорда (Stanford University) особо одаренный экстрасенс Инго Сванн (Ingo Swann) (утверждающий, что получил эти способности благодаря особой технике из сайентологии) одним лишь усилием воли смог воздействовать на прибор, помещенный в надежно изолированном помещении для экспериментов с кварками. Это помещение находилось глубоко под землей в бункере, заполненном гелием, совершенно не пропускающим электромагнитные волны, известные науке. Вообразите шок ученых-физиков, которые стали свидетелями этого эксперимента. Ведь на их глазах происходило невозможное!

Вогель подчеркивает, что эксперименты с растениями далеко небезопасны для тех, кто не в состоянии хорошо контролировать свое сознание. «Сконцентрированная мысль может оказать огромное воздействие на тело человека в измененном состоянии сознания, если он допускает вмешательство своих эмоций».

Такая работа с растениями или любые другие психические эксперименты противопоказаны людям с плохим здоровьем. У Вогеля сложилось впечатление (хотя у него нет доказательств), что для такого рода работы телу необходимо произвести особую энергию. Для этого нужно придерживаться определенной диеты: есть больше овощей, фруктов, орехов, богатых белками и минеральными веществами. «Экспериментатору нужна энергия высоких уровней, а это требует правильного питания».

На вопрос, как высшие формы энергии (такие как энергия мысли) могут влиять на физическое тело живых существ, Вогель рассказал о странных свойствах воды. Как профессиональный кристаллограф он всегда удивлялся тому, что большинство видов солей имеют одну единственную кристаллическую решетку, тогда как у молекул ледниковой воды их более тридцати. «Взглянув на них, человек непосвященный подумает, что видит тридцать различных веществ. И он

будет по-своему прав, потому как вода – это настоящая загадка природы».

Все живые существа в основном состоят из воды, и, по мнению Вогеля (хотя он подчеркивает, что это еще далеко не доказано), уровень жизненной энергии человека находится в определенной зависимости от частоты дыхания. Движение воды по телу и через его поры создает электрический заряд. Вогель обратил внимание на то, что некоторые экстрасенсы теряют несколько килограммов веса во время сеансов, на которых они расходуют много жизненной, или психической, энергии. «Если взвесить на чувствительных весах человека, ведущего психическую работу, – рассказывает Вогель, – то можно будет пронаблюдать, как уменьшается его вес. Это расходуется вода. Вряд ли можно найти другое объяснение, так как эти люди сидят на строгих диетах, и у них нет достаточных запасов жира, которые можно было бы так быстро сжечь».

Хотя эксперименты с растениями еще далеко не завершены, Вогель уверен, что результаты его опытов помогут людям вспомнить давно забытые истины. Он собирается с помощью разрабатываемых им простых методов тренировки обучать детей высвобождать свои эмоции и при помощи приборов наблюдать их влияние на растения.

Таким образом, дети смогут научиться искусству любить и по-настоящему поймут, что нет ничего сильнее энергии человеческой мысли. Человек – это мысль. Поняв это, они смогут направлять энергию мысли на духовное, эмоциональное и интеллектуальное развитие.

«Я пытаюсь сделать прибор не для измерения силы волн головного мозга, и не для тренировки оккультных способностей. Я хочу помочь ребенку стать *простым искренним Человеком*».

Когда Вогеля спросили, что он считает самым главным в своих опытах с растениями, он ответил так: «Причина большинства наших болезней и страданий в том, что мы не способны освободиться от стрессов внутри нас, раскрепоститься, дать раскрыться скрытым в нас способностям. Стоит кому-то нас обидеть, мы злимся и *копим в себе эту злобу*. В результате наше внутреннее напряжение нарастает (д-р

Вильгельм Рейх давным-давно описал этот процесс) и переходит в мышечное напряжение. Если не дать ему выход, то в дальнейшем накопленный стресс истощает энергетику и сбивает все химические процессы организма. В своих исследованиях я нашел путь к освобождению от зажатых в нас эмоций».

Растения заставили Марселя Вогеля по-новому взглянуть на мир. Они способны улавливать внутренние намерения, добрые и не очень, которые по своей сути более искренни, чем намерения, облеченные в слова. Человек также обладает этим даром, но он постоянно забывает о своих огромных способностях.

Два молодых студента из Калифорнии Рэндал Фонтс (Randall Fontes) и Роберт Свансон (Robert Swanson), изучающие психологию и индийскую философию, решили продолжить исследования Вогеля. С помощью сложного оборудования, предоставленного Вогелем, студенты сделали немало потрясающих воображение открытий. Несмотря на молодые годы, они получили гранты и оборудование от серьезных учебных заведений на дальнейшие исследования тайн общения с растениями.

Первое их открытие было сделано совершенно случайно. Один из них заметил, что когда другой зевает, растение реагирует на это в виде прилива энергии. Вместо того, чтобы отбросить это явление, как что-то невозможное, студенты продолжали наблюдение. Роберт Свансон знал, что в древнеиндийских текстах упоминалось, что, зевая, уставший человек мог подзаряжаться шакти, жизненной энергией, заполняющей всю вселенную.

С помощью д-ра Нормана Голдштайна (Norman Goldstein), профессора биологии в Университете Хайварда (State University in Hayward), штат Калифорния, Фонтс продолжал свои исследования и открыл в филодендроне электрический потенциал, циркулирующий от клетки к клетке. Это дает веские основания полагать, что у растений имеется простая нервная система, о которой раньше и не подозревали. В результате, Фонтса пригласили возглавить проект в научно-исследовательском центре в Сан - Антонио, штат Техас, о влиянии сознания человека на живые организмы. Тем вре-

менем, Свансон участвует в создании консультационного центра с парapsихологическим уклоном при Университете Джона Кеннеди в Калифорнии. Свансон ставит перед собой цель, в частности, определить, какие люди телепатически влияют на растения, а какие нет.

Глава 3

РАСТЕНИЯ ПРОТИВ ВЗЛОМЩИКОВ

Однажды Пьер Поль Совин (Pierre Paul Sauvin), электронщик из Нью-Джерси, случайно услышал по радио интервью с Бакстером и загорелся желанием проверить возможности растений на практике. Он серьезно увлекался экстрасенсорикой, гипнозом и телепатией. Совин очень хорошо разбирался в самом современном оборудовании и был в курсе новейших электротехнических разработок, благодаря своему образованию и практическому опыту работы в крупных компаниях связи «Международный телефон и телеграф» (International Telephone and Telegraph) и производства космического оборудования «Аэрокосмос» (Aerospace).

Ведущий радиопередачи, бывший скептиком по роду своей профессии, все высматривал Бакстера о том, как же можно применить его открытие глубинного восприятия растений на практике. Бакстер толком не нашелся, что ответить, и привел экстравагантный пример: во время военных действий в джунглях солдаты могли бы подключить местные растения к прибору, чтобы те служили в качестве «индикатора опасности». Хороший способ не попасть в засаду? «А еще все психологи мира просто упали бы на месте, если бы вы подключили растение к игрушечной железной дороге и переключали стрелки силою своих мыслей и чувств».

Эту, правда, совсем непрактичную идею с поездом на жаргоне электронщиков можно было бы назвать «тревового-

метр». Вдохновленный Совин превратил свои холостяцкие апартаменты в напичканные электроникой колдовские пещеры, которым позавидовал бы сам Мерлин.

По словам Совина, ему случалось впадать в состояние измененного сознания, приносящее с собой новые свежие идеи. Сам он тогда выступает лишь в качестве приемника информации. Таким образом он иногда получал данные для очередного изобретения, даже не понимая смысла. И уже потом, разбираясь в этом материале, он задавая «наводящие вопросы» высшим уровням бытия.

При помощи высоковольтного генератора, который производит что-то подобное дуге молнии (помните д-ра Франкенштейна?) Совин мог пропускать через себя 27 000 вольт и активировать на расстоянии большую, заполненную гелием, лампу. Эта лампа заменяла ему маятник в спиритических сеансах. Расходящиеся от нее темные круги могли двигаться по направлению к разным буквам алфавита, тем самым составляя слова спиритического послания. Совин также разработал систему, гипнотизирующую *кого угодно*, даже самых стойких и упрямых. Для начала человека помещали на нестабильную платформу в совершенно темной комнате. Перед ним включали радужные световые узоры, которые колыхались из стороны в сторону – и человек терял равновесие.

Вы уже, наверное, поняли, что Совин – человек необычный. И конечно, вскоре после услышанного интервью с Бакстером, он приобрел игрушечный электрический поезд, который ездил взад-вперед только по команде его мысли или эмоции, переданной растению. Он одинаково успешно управлял поездом (мыслью, конечно) как перед аудиторией в 60 человек, так и на съемках в телестудии.

Как же Совин передвигал поезд при помощи мысли? Двигущийся по рельсам паровоз активировал включатель, подключенный к телу Совина, и пропускал через него электрический ток. Рядом с этим «шоковым» включателем на рельсах находился другой, подключенный к гальванометру с обычным филодендроном. Когда филодендрон чувствовал, что хозяин получил электрошок, стрелка гальванометра резко отклонялась и включала мини-рубильник, и поезд начинал двигаться в другую сторону. Потом Совин просто запомнил

свои ощущения при электрошоке и воспроизводил их для растения. Растение же активировало рубильник.

Совин, конечно, интересовался парапсихологией и реакцией растений на мысли и эмоции человека. Но ему бы хотелось разработать на основе растений надежный прибор, с которым мог бы управляться любой человек. В этом отношении Совину было совершенно безразлично, может ли растение чувствовать или мыслить; главное – чтобы растение надежно улавливало его эмоциональные сигналы и активировало рубильник. Не вдаваясь в тонкости психологии растений, Совин понял, что растение генерирует энергетическое поле, сходное с полем человека, и это сходство можно каким-то образом использовать. Для надежной реализации этого феномена оставалось лишь разработать чувствительное оборудование.

Изучая бесконечный поток специализированных журналов по электронике, Совин наткнулся на серию статей в «Популярной электронике». В этих статьях некий Л. Джордж Лоуренс (L. George Lawrence) описывал невообразимые электронные схемы и необычное оружие. Автор был заинтригован тем, что русские умудрились обучать кошек управлять ракетами воздух-воздух и при этом попадать точно в цель. Такую ракету невозможно было сбить. Лоуренс же пошел в этом еще дальше. Почему бы не обучить растения реагировать на определенные объекты или картинки – и использовать их в тех же военных целях? Поползли слухи, что под псевдонимом Лоуренс скрывается высокопоставленный правительственный чиновник, работающий над системами национальной безопасности. На самом же деле Лоуренс – инженер, родом из Европы, бывший преподаватель искусств в колледже Сан-Бернардино в Калифорнии, а теперь директор собственного исследовательского института.

Компоненты лоуренсовских сложных схем стоили гроши, но чтобы воспроизвести их на практике, потребовалось бы несколько тысяч долларов на оплату работы высококлассных инженеров. Кроме того, необходимые компоненты нельзя было найти в открытой продаже. Но когда-то Совин работал инженером по крупному правительствуенному заказу и привык кое-какие как раз подходящие для этого детали. Это

были всяческие селекторы, впаянные в электронные силиконовые платы. Когда-то они оказались непригодными для температурных режимов космоса и были выброшены на помойку.

Из этих безделиц Совин смонтировал мостик сопротивления для измерения электрического потенциала с переменным током, а также схему для автоматического контроля электрических параметров. Он надеялся с помощью таких приборов различить малейшие колебания электрического поля растения. Приборы Совина были в сто раз чувствительнее, чем гальванометр Бакстера, и позволили устранить множество случайных внешних помех.

Теперь Совин измерял не амплитуду напряжения, а изменение фаз переменного тока. В результате получился прибор, чем-то напоминающий обычный регулятор яркости света. Лист растения выступал в качестве регулятора. Изменение сопротивления в листе заставляло свет тускнеть или гореть ярче в зависимости от реакции растения на внешний раздражитель.

Как только прибор был готов, Совин приступил к круглогодичному снятию показаний с растений. Чтобы уловить малейшие сдвиги фаз переменного тока, Совин подключил растения к осциллографу. Этот прибор походил на большой зеленый электронный глаз с восьмеркой из света посередине. Петли восьмерки меняли свою форму в зависимости от изменения тока от растений, напоминая трепетание крыльев бабочки. Кроме того, экспериментатор подключил растения к динамикам и звукозаписывающему оборудованию, и изменения электрического потенциала растения можно было отслеживать на слух по изменению тона звука. Совин постоянно записывал этот звук на пленку, с гудком каждую секунду. С помощью секундомера он мог контролировать реакцию растения на его мысли даже на расстоянии: будь то на улице, на работе или на отдыхе.

Теперь Совину пригодились ранее им разработанные сложные автоответчики и записывающие устройства. На протяжении уже нескольких лет он подрабатывал в нескольких специализированных журналах – писал технические статьи под разными псевдонимами – и при этом еще и работал на

обычной работе. В течение дня домой Совину постоянно звонили редакторы журналов с множеством вопросов. Чтобы скрыть свое «хобби» и не вызывать гнев начальства и при этом вовремя отвечать на звонки редакторов, Совин смонтировал гениальную конструкцию. С помощью привязанного к ноге маленького радиопередатчика и батареи автоматических запрограммированных записывающих устройств, находящихся дома, он мог общаться через свой домашний телефон, принимать сообщения и давать ответы – и все это не отходя от своего рабочего места! Чтобы оборудование могло различать редакторов журналов, Совин придумал очень простой трюк: перед началом сообщения редактор должен был издать определенный звук — например, провести ногтем по зубцам расчески рядом с микрофоном телефона. Оборудование легко распознавало условленный сигнал и включало кассеты, предназначенные именно для этого редактора. Чтобы замаскировать свои тихие телефонные беседы с редакторами со своего рабочего места, Совин взял за привычку постоянно бубнить себе под нос. За что коллеги прозвали его «бубном».

Это «партизанское» оборудование сослужило ему добрую службу для опытов с растениями. Он мог набрать домашний номер и поговорить с растениями по телефону: аудио-осциллограф передавал в трубку звук, отражающий реакцию растений. Совин также мог на расстоянии контролировать в своем доме свет, оттенки света, температуру воздуха и записывающую аппаратуру.

Постепенно Совин пришел к сходным с Богелем выводам: наилучшие результаты дают растения, с которыми ему удалось установить дружественные отношения. Для этого он входил в состояние легкого транса, желал растению всего хорошего, нежно прикасался к листьям или обмывал их водой. Через какое-то время он начинал чувствовать, как его вибрации соприкасаются и взаимодействуют с вибрациями растения.

Как и Бакстер, Совин обнаружил, что сильнее всего растения реагируют на смерть живых клеток, и особенно на смерть клеток человека. В процессе экспериментов он нашел самый простой способ вызывать резкую реакцию растений –

подвергнуть себя легкому электрошоку. Для этого он просто ерзал на своем рабочем стуле, и потом разряжал скопившийся заряд статического электричества, прикасаясь к своему металлическому рабочему столу. Растения, находящиеся в нескольких километрах, неизменно бурно реагировали. Как и в экспериментах с электрическим поездом, в дальнейшем он запомнил свои ощущения от электрошока, и ему достаточно было воспроизвести их мысленно, чтобы вызвать реакцию растения. Причем связь с растениями не ослабевала, даже когда Совин находился в своем загородном доме за 120 км от растений.

Но основная загвоздка заключалась в том, что когда Совин отлучался из дома на несколько дней, растения постепенно перенастраивались с хозяина на свое непосредственное окружение. В таких случаях обычного общения с растениями по телефону было недостаточно. Сильнее всего растения реагировали на повреждения его тела или энергетического поля, и Совин решил попробовать оставлять дома свои живые клетки, и уничтожать их по сигналу, передаваемому по телефону. Эта система работала безукоризненно. Вот только где же найти клетки, которые могли бы жить несколько дней в отрыве от тела своего донора? Для этой цели неплохо подходили кровяные клетки; клетки волос было довольно сложно уничтожить; но в конце концов Совин остановил свой выбор на сперматозоидах, так как получить сперму было гораздо легче и не так болезненно, как кровь.

Но может растения реагируют на эмоции радости и удовольствия так же остро, как на боль и шок? Да и Совину уже порядком надоело ощущать лишь шок. К тому же он опасался, что, подвергая свои растения постоянному шоку, пусть даже косвенно, он существенно отягощает свою карму. Вскоре догадки Совина подтвердились: растения действительно реагировали на радость и удовольствие, но сила реакции была не резкой, а плавной и волнообразной. А этого было недостаточно, чтобы активизировать выключатель. Тогда непоколебимый ученый решился на более отчаянные эксперименты. На праздники, прихватив с собой подругу, он отправлялся в свой дом на берегу озера. На пике сексуального возбуждения, а особенно в момент оргазма, его растения

на расстоянии 120 км реагировали очень резкими звуками осциллографа. Все это было очень занято. Представьте себе, в любом магазине продается прибор для ревнивых жен, которые с помощью домашних бегоний могут легко отслеживать похождения своих любвеобильных мужей. Но все же до создания простой и надежной системы, которая бы заставляла растение управлять выключателем, было еще далеко.

Несомненно, Совин мог влиять на растение на расстоянии, но где гарантия, что оно не отреагирует на что-то в непосредственном его окружении: например, на внезапное появление в комнате кошки, или на птицу за окошком, проглатившую неудачливую муху. Тогда Совин взял три растения, поместил их в разные комнаты, и подключил все три к единой электрической цепи. Активизация цепи происходила лишь в том случае, если все растения реагировали одновременно. Таким образом, Совин надеялся, что реакция растений будет синхронной лишь тогда, когда стимул будет исходить от него самого, где бы он ни находился. Это, конечно, не было совершенно надежной системой, так как одно из растений могло и не отреагировать на стимул, но все же это было существенным усовершенствованием, ведь случайный раздражитель не мог повлиять на все три растения одновременно.

Совин загорелся желанием обнародовать результаты своих исследований, подтверждающих выводы Бакстера, и заявить о своем вкладе в науку. По его мнению, значение этих открытий было сопоставимо с достижениями Маркони, научившегося использовать радиоволны. Но правительство и воротилы бизнеса были скорее заинтересованы в разработке изощренного наступательного оружия или всевозможных устройств для психологического контроля над населением. Им не было дела до старомодных идей о единении с природой, и Совину так и не удалось найти себе ни спонсоров, ни благодарных слушателей.

Не заинтересовались его изобретениями ни средства массовой информации, ни такие консервативные журналы, как «Наука» (Science) или «Научная Америка» (Scientific American). Тогда Совин решил попытать счастья в инженерных и технических журналах, где его уже знали и регулярно печатали

его статьи. Чтобы привлечь внимание редактора журнала для автомобилистов, Совин состряпал замечательную историю о том, как машину можно будет завести при помощи дистанционного пульта управления. Пульт активизируется растением, реагирующим на мысль человека. Реализация этой идеи на практике оказалась довольно простой, потребовалася лишь маленький радиопередатчик. Единственной технической сложностью в этом деле была разработка приспособления, имитирующего ключ зажигания: если двигатель не завелся, давление нужно повторить, а если завелся – прекратить.

Какой же смысл в этом устройстве? Представьте, на улице трескучий мороз, а вы, нежась в постели, заводите свой автомобиль, включаете в нем обогреватель, и наслаждаетесь утренним чаем. Когда вы готовы к отъезду, машина уже прогрета. Звучит заманчиво, но для Совина здесь была одна небольшая загвоздка: для создания такого устройства не было нужды в растении. Устройством можно было управлять напрямую через радиопередатчик. Чтобы все же воздействовать свои любимые растения в привлекательном для авто- и домовладельцев устройстве, Совин придумал вот что. На улице снежная ночь, человек возвращается домой и подъезжает к гаражу. Он мысленно отдает команду домашнему филодендрону открыть ворота гаража для своего хозяина. Растение при этом подчиняется лишь командам владельца – прекрасная защита от взломщиков, не правда ли?

Совину хотелось бы заинтересовать в своих исследованиях и серьезных ученых, которые могли бы профинансировать его лабораторные эксперименты. Ему пришла в голову идея продемонстрировать на практике, что сила мысли при посредстве растения, подключенного к чувствительным приборам, может управлять самолетом. За Совином, который был к тому же и летчиком, водилось давнее хобби – авиамоделизм. Часами он наслаждался полетами своих моделей, самолетов с размахом крыльев до двух метров. Сам он управлял ими с земли при помощи радиосигналов: самолеты совершили настоящие чудеса на виражах: ложились на крен, замедляли и ускоряли полет, совершали «мертвую петлю» и даже приземление. Небольшие изменения в радиопередатчи-

ке – и контроль за полетом стал возможен при помощи мысли, переданной через растение.

По мнению Сивина, чувствительное растение могло бы помочь распознавать в аэропортах потенциальных воздушных террористов еще до посадки в самолет. Он предложил вниманию ученых «Операцию Воздушный пират» – систему безопасности, в которой подключенные к гальванометрам и другой аппаратуре растения будут улавливать беспокойство и тревогу потенциальных угонщиков самолетов. Такая система позволила бы не только обезопасить пассажиров самолетов, но и снизить необходимость в личном досмотре и обыске граждан.

Лед тронулся! Такой проект заинтересовал армию США. На исследования растений были выделены средства в городе Форт Бельвьюар, штат Вирджиния (Belvoir, Virginia). Военные захотели разработать способ отслеживания эмоций человека через растения, но без предварительной настройки растений на проверяемого человека.

Военно-морской флот также не остался в стороне. Элдон Берд (Eldon Byrd), аналитик отдела стратегического планирования и разработки систем вооружения ВМФ США в городе Сильвер Спринг, штат Мэриленд (Silver Spring, Maryland) смог с некоторым успехом повторить опыты Бакстера. Берд был членом Американского общества кибернетики и старшим научным сотрудником НИИ электротехники. Он подсединял полиграф к листьям растений и наблюдал их реакцию на различные стимулы. Как и Бакстер, он обнаружил, что одного лишь мысленного намерения повредить растение достаточно, чтобы стрелка прибора вздрогнула. Берд также наблюдал реакцию растений на воду, инфракрасное и ультрафиолетовое излучение, огонь, физическое воздействие и расчленение на части.

По мнению Берда, причиной движения стрелки прибора является не сопротивление в листе растения, а разница биопотенциалов на поверхности и внутри клеток. Об этом упоминал и шведский ученый Л. Карлсон (L. Karlson), который обнаружил, что группа клеток может изменить свой электрический заряд на противоположный, хотя он так и не выявил

силу, «заряжающую» клетки. По мнению Берда, именно сознание и есть та самая сила.

Исследования Берда подтвердили наблюдения Бакстера, что растения, можно сказать, «сопереживают» другим живым организмам, на которых оказывается воздействие в их присутствии. Берд, как и Бакстер, столкнулся с проблемой «обморока» у растений. При чрезмерном стрессе растение «теряет сознание» и перестает реагировать даже на самые простые стимулы, такие как свет и тепло. Берду, как ранее Бакстеру и Сивину, удалось продемонстрировать перед телекамерами реакцию растений на мысленное намерение сжечь его лист. В одной из телевизионных программ показали, как Берд посадил паука в спичечный коробок и потряс им в присутствии растения. Через секунду последовала реакция растения, продолжавшаяся в течение целой минуты. Растения также резко реагировали на отсечение листьев у своих собратьев.

Берд получил степень магистра по разработке медицинского оборудования в Университете Джорджа Вашингтона (George Washington University), а также стал членом международной организации Менза (Mensa), предъявляющей очень высокие требования к показателю интеллекта (IQ) своих членов. Но при всем этом Берд не смог объяснить причины реакции растений на мысли человека. Он допускал самые разные объяснения, включая гипотезу изменения геомагнитного поля, присутствия сверхъестественного или духовного феномена, или функционирования загадочной биоплазмы. В своем докладе, представленном в 1972 г. Американскому обществу кибернетики (American Society of Cybernetics), Берд описал проводимые в Советском Союзе эксперименты по передаче мысли через «биоплазму», являющуюся, по утверждению советских ученых, доселе неизвестной формой энергии.

В мае 1973 г. Берд начал экспериментировать с крошечными сверхчувствительными листьями мимозы стыдливой (*Mimosa pudica*), закрывающимися при малейшем прикосновении. Берд надеялся, что, притрагиваясь тонкой проволокой к листьям мимозы, сможет улавливать через специальные усилители колебания напряжения и сопротивления в

листьях. Берд также получил в свое распоряжение один из лучших в мире самописцев, сделанный в Германии компанией «Сименс». Каждую секунду этот самописец выдает более метра ленты с тончайшим графиком толщиной в несколько микрон. С помощью таких чувствительных приборов Берд надеялся уловить даже самые слабые реакции растений, которые до сих пор оставались незамеченными.

В настоящее время Берд планирует провести эксперименты с простейшими морскими водорослями *Acetabularia cretulata*. Они примечательны тем, что при длине в 5 см состоят всего из одной клетки. Если это одноклеточное растение будет демонстрировать «эффект Бакстера», то Берд удалит ядро клетки хирургическим путем. Если после удаления растение перестанет реагировать на раздражители, то понятно, что способность растения реагировать на внешние стимулы в основном заложена в ядре клетки.

Берд имеет в своем распоряжении и новейший детектор лжи под названием «Стресс-индикатор». Изобретатель детектора Алан Белл (Allan Bell) предоставил Берду для экспериментов прекрасно оборудованную лабораторию. Белл возглавляет компанию «Дектор», производящую оборудование для контрразведки (Dektor Counter Intelligence Systems). На испытаниях детектор показал прекрасные результаты: он различал правду от лжи в 94,7 случаев из 100. По словам изобретателя детектора, голос человека в спокойном состоянии состоит как из звуковых (слышимых), так и сверхзвуковых (невоспринимаемых ухом человека) волн. В состоянии тревоги и стресса из звука голоса исчезают сверхзвуковые FM волны. Ухо человека разницы не чувствует, а вот детектор лжи ее обнаруживает и отражает на кривой графика. Берд уже начал работу над тем, чтобы приспособить этот детектор к работе с растениями.

В Японии инженер-электротехник с докторской степенью Кен Хашимото (Ken Hashimoto) из небольшого утопающего в зелени городка Камакура, неподалеку от Иокогамы, используя схожий детектор лжи, добился необыкновенных результатов в исследовании растений. Ученый является консультантом по детекции лжи в японской полиции. Прочитав об

экспериментах Бакстера, он решил подключить кактус к обычному полиграфу при помощи игл для иглоукалывания.

Его намерения были еще более дерзкими, чем у Бакстера, Совина и Берда. Он хотел добиться прямого общения с растением! Для этого Хашимото задействовал оборудование детекции лжи, разработанное им для японской полиции и чем-то похожее на систему Алана Белла. Для записи реакции подозреваемого достаточно было простой кассеты. Голос подозреваемого расчленялся на звуки различных частот, которые затем переносились самописцем на кривую графика. Детектор был настолько точным, что японские судьи полагались на его показания при вынесении судебных решений.

Хашимото осенила великолепная мысль: если голос можно разлагать на звуки и записывать в виде графика, то почему бы не попробовать кривую графика превратить в звук и тем самым озвучить реакцию растения? Первым в эксперименте участвовал небольшой кактус, по форме похожий на гигантов, растущих в Калифорнии и пустынях Аризоны. Но опыт провалился. Хашимото не сомневался в достоверности опытов Бакстера и в безупречной работе своего оборудования. Поэтому он предположил, что все дело в нем самом, и ему не удается установить контакт с растением, несмотря на то, что он был ведущим японским исследователем психических явлений.

У его жены, обожавшей и понимавшей растения, вскоре получилось поговорить с растением. Миссис Хашимото убеждала кактус в своей любви, и растение немедленно реагировало на ее эмоции. Ее муж пропустил сигналы растения через свою аппаратуру и получил что-то похожее на тонкое жужжание высоковольтных проводов. Правда, этот звук больше походил на песню с приятным и разнообразным тоном и ритмом, иногда даже дружелюбным и радостным.

Молодой американец из Калифорнии Джон Френсис Дугерти (John Francis Dougherty), присутствовавший при одной из «бесед» с кактусом, пошутил, что миссис Хашимото общалась с кактусом на японском, а растение отвечало ей на «кактусном». По словам Дугерти, чета Хашимото так подружилась с кактусом, что научила его считать и складывать до двадцати. Если спросить растение, сколько будет два плюс

два, растение издавало звук, который отображался на графике в виде четырех ясно различимых последовательных пиков.

Доктор Хашимото получил докторскую степень в Университете Токио, был директором собственного исследовательского центра электроники и возглавлял научно-исследовательскую деятельность компании «Электротехническое оборудование Фуджи» (Fuji Electronic Industries), которая изготавливало огромные светящиеся рекламные щиты для всего Токио. Теперь же Хашимото занялся демонстрацией математических способностей своего кактуса по всей Японии.

Помимо всего прочего, Хашимото является автором чрезвычайно популярных в Японии книг. Его *«Введение в экстрасенсорику»* (Introduction to ESP) выдержало шестьдесят переизданий, а *«Тайны четвертого измерения»* (Mystery of the Fourth Dimensional World) – восемьдесят. Пытаясь объяснить феномен с кактусом, Хашимото отметил, что на свете существует немало явлений, которые современная физика объяснить просто не в состоянии. По его мнению, кроме трехмерного мира, изучаемого физиками, существуют и другие миры. Привычный нам трехмерный мир – всего лишь отражение четырехмерного нематериального мира. Через четырехмерный мир посредством концентрации сознания возможно управление физической материей трехмерного мира.

Теперь эти ученые начинают задаваться вопросом: будут ли их открытия использованы во благо или во вред? Так, Совин после своего посвящения в служители Метафизического ордена психической науки стал убежденным пацифистом и ярым противником использования психической связи человека и растения в военных целях. Хотя он и имеет несколько патентов на оборудование, которое можно использовать для создания систем вооружения, он отказался обнародовать свое самое значимое изобретение под кодовым названием «прибор - 13», опасаясь, что Министерство обороны США незамедлительно использует его для изготовления управляемой мыслью ракеты. Духовный лидер этого ордена преподобный Р. Вильямс Дарт (R. Williams Dart) является сильным медиумом, способным общаться с душами умерших. Он впадает в транс и заставляет горн парить в воздухе в полу-

темной комнате; через этот горн и говорят голоса умерших. Этот горн имеет форму рупора или мегафона, сделан из трех листов алюминия без всяких электронных приспособлений. Голоса словно материализуются из воздуха, иногда напоминающая голоса умерших, знакомых присутствующим людям, иногда – голоса духов-хранителей. Часто к голосам примешиваются и другие посторонние звуки, вроде отдаленного лая собак.

Совин считает, что целью этих сеансов является передача знаний и просвещения, глубоких и вдохновенных посланий о мудрости, любви и вечности жизни. По словам д-ра Дарта, настоящая религия – это всеобщий разум: «Смерти нет. Мертвого не существует. Мы все можем стать лучше, сейчас или в следующей жизни».

По словам Совина, система с использованием горна не более загадочна, чем дельфийские оракулы или говорящие статуи жрецов древнего Египта; учение ордена основано на древних истинах и включает в себя идею божественного сотворения, братства всех живущих людей, бессмертия души, общения между душами умерших и живыми людьми, личной ответственности за свои поступки с поощрением и наказанием, пути вечного совершенствования, открытого любой душе, следующей стезей добра, физических и духовных законов природы, а теперь общения с растениями.

Если, как показывают опыты, передача неречевых сообщений происходит за пределами времени и пространства и вне «электромагнитного» спектра, то возможность контакта с невидимым разумом, находящимся на более высоких планах бытия (с которыми работали величайшие мистики вроде Якова Бема [Jakob Boehme]) не будет казаться такой уж фантастичной. Стоит нам найти средства приема таких сообщений, и перед нами снова откроются двери космоса.

Глава 4 ПРИШЕЛЬЦЫ ИЗ КОСМОСА

Однажды в конце октября 1971 г. к парку «Дубрава» (Oak Grove Park) близ маленькой деревушки Темекула (Temecula) в южной Калифорнии подъехал голубой «жучок» «Фольксваген», напичканный необычной аппаратурой. Из него вышел сорокасемилетний ученый-электронщик родом из Силезии Л. Джордж Лоуренс (L. George Lawrence). Он со своим помощником приехал в это безлюдное место, чтобы записать сигналы, исходящие в естественных условиях от дубов, кактусов и юкки. Лоуренс выбрал этот удаленный парк, такую «электромагнитную провинцию», как идеальное место для записи чистой реакции растений без помех со стороны человека.

Записывающая аппаратура Лоуренса в отличие от приборов Бакстера, Богеля и Совина, имела одну важную особенность. В сосуде с постоянной температурой была помещена живая ткань растения. Сосуд был окружен трубкой Фарадея, устранившей любые посторонние электромагнитные колебания. По наблюдениям Лоуренса, живая растительная ткань гораздо более чувствительна, чем самые чуткие электронные сенсоры. Он был уверен, что излучения биологической природы лучше всего улавливаются «приемником» также биологического происхождения.

Оборудование Лоуренса отличалось от приборов других экспериментаторов еще и тем, что устранило необходимость подсоединять электроды к листьям растений. Чтобы исключить

воздействие на оборудование поля всех растений сразу, Лоуренс выбирал отдельно стоящее растение (а это несложно сделать в полупустыне или пустыне) и наводил на него безлинзовую трубу с широким отверстием, ось которого совпадала с осью трубы Фарадея. На больших расстояниях вместо безлинзовой трубы ученый пользовался телескопом, а на растение для лучшей видимости вешал белую ткань.

Живая ткань Лоуренса улавливала направленные сигналы с расстояния до полутора километров. Чтобы вызвать у растения выраженную реакцию, ученый пропускал через него электрический ток. Он включал ток при помощи пульта дистанционного управления с таймером, а сам в этот момент находился рядом со своим измерительным оборудованием. Лоуренс проводил свои исследования в холодное время года, когда основная часть растений спит. Таким образом он пытался избежать искажений со стороны непрошенных участников опытов.

Запись реакции живой ткани сенсора велась не с помощью самописца, а при помощи низкого непрерывного звука. Если живая ткань улавливает реакцию другого растения, свист переходит в легко распознаваемый пульсирующий звук.

В день приезда Лоуренс с помощником распаковали и установили в парке свою аппаратуру. Время перевалило за полдень, и они решили, что пора отложить дела и немножко перекусить. Они уселись в десяти метрах от прибора, трубка которого была направлена в небо.

Лоуренс с наслаждением уплетал свой хот-дог, как вдруг монотонный свист его прибора сменился на серию пульсирующих звуков. Ученый еще толком не успел усвоить и переварить свой хот-дог, но в свое время он прекрасно усвоил и переварил «эффект Бакстера». Поэтому Лоуренс предположил, что пульсация появилась из-за того, что он убил какую-нибудь клетку в своей сосиске. Но немного подумав, он вспомнил, что сосиска была кошерная, а потому жизнь покинула ее клетки еще в момент забоя животного на мясо. Лоуренс бросился проверять свою аппаратуру, но звук продолжал пульсировать на протяжении более получаса, пока, наконец, не сменился на монотонный свист, означавший

«конец связи». Откуда же исходили эти сигналы? Ведь все это время приборы были направлены вверх, в небеса. Представляете себе ощущения Лоуренса? Его посетила фантастическая мысль о том, что *сигналы передавал кто-то или что-то из высших миров*.

По дороге домой Лоуренс и помощник постоянно обсуждали этот удивительный феномен. Но они решили до поры до времени никому не рассказывать о случившемся, ведь этот звук мог быть следствием каких-нибудь недостатков оборудования. Мысль о существовании жизни за пределами Земли звучала волнующе и увлекательно! Конечно, ученые выдвигали туманные и смутные гипотезы о внеземной жизни, вроде открытия «упорядоченных элементов» или организмов на метеоритах, либо обнаружения инфракрасного спектра на Марсе, что означает существование органических молекул. Помимо этого, исследователи Тесла и Маркони заявляли, что смогли принять немногочисленные упорядоченные межзвездные радиосигналы. Но их заявление осыпали градом насмешек, и они поспешили замолчать. Также известно о межгалактических радиоизлучениях от пульсаров.

Лоуренсу не хотелось преждевременно обнадеживать себя тем, что ему удалось принять сигнал от внеземного разума где-то в триллионах километров от Земли. И все это через живые ткани растения! Он потратил несколько месяцев для преобразования своего оборудования в «биодинамическую полевую станцию межзвездного общения».

В апреле 1972 г. его аппаратура была готова для следующей попытки пообщаться с небесами. Лоуренс был экспертом по лазерам и автором первой книги на эту тему, выпущенной в Европе, поэтому он точно запомнил направление, в котором указывал прибор в первый раз. А он указывал в сторону Большой Медведицы – созвездия из семи звезд в районе северного небесного полюса. Стремясь максимально удалиться от всего живого, он уединился на одиноко стоящем кратере затухшего вулкана высотой в 800 метров посреди пустыни Мохава. На многие километры вокруг кратера простиралась застывшая лава, на которой не встретишь даже кустика чахлой травы. Лоуренс направил свои приборы – телескоп, трубку Фарадея, камеру, монитор электромаг-

нитных колебаний, камеру с живой тканью на небесные координаты 10 часов 40 минут 56 градусов, то есть в район Большой Медведицы, и с волнением включил аппаратуру. Прошло полтора часа, и приборы снова зафиксировали легкоузнаваемые, хотя и кратковременные, серии пульсирующих звуков. Интервалы между краткими сериями пульсаций составляли от трех до десяти минут и «передача» продолжалась несколько часов.

Итак, Лоуренс успешно повторил опыт 1971 г. А не сделал ли он случайно огромное научное открытие? Кто и откуда посыпает эти сигналы? Об этом ученый не имел никакого понятия, но подозревал, что они могут исходить из центра нашей Галактики. «Возможно, эти сигналы приходят из района небесного экватора, где наблюдается наибольшее скопление звезд. Может быть, сигналы исходят оттуда, но отклоняются и достигают нас через Большую Медведицу».

После успешных опытов в пустыне Мохава, Лоуренс продолжил исследования в своей домашней лаборатории. Его приборы были направлены в тот же район неба и работали круглосуточно. Порой Лоуренсу приходилось ждать сигналов неделями, а то и месяцами. Однажды он получил пульсирующий сигнал, звучащий вроде «б-р-р-р пип-пип-пип». По словам Лоуренса, он ни разу не слышал подобного звука от земных живых существ.

На просьбы объяснить природу этих сигналов, Лоуренс отвечал так: «Я не думаю, что эти сигналы предназначены землянам. Возможно, мы стали свидетелями общения между каким-то видом живых существ на далекой планете со схожим видом на Земле. Но мы, земляне, совсем не осведомлены о биологическом способе общения, и поэтому никак в нем не участвуем. Я думаю, что уровень излучаемой при таком общении энергии фантастически высок. Этот сигнал преодолел астрономические расстояния, и все же улавливается нашими незамысловатыми приборами. Значит, на него было затрачено огромное количество энергии. Поэтому, возможно, это сигналы о помощи. Может быть, где-то там происходит что-то ужасное, и кто-то отчаянно зовет на помощь».

Решив, что его открытия могут иметь огромное значение и позволяют создать новый, доселе немыслимый, вид связи, Лоу-

ренс отоспал копию кассеты 1971 г. с семистраничным докладом в Институт Смитсона (Smithsonian Institution) в Вашингтоне. Кассета и доклад хранятся там до сих пор как потенциальный исторический научный документ. В заключении доклада Лоуренс писал: «Мы наблюдали ярковыраженные сигналы межзвездного общения. Так как прием сигналов осуществлялся биологическим сенсором, можно предположить, что сигналы также имеют биологическое происхождение. Эксперименты проходили в уединенной местности, оборудование же было непроницаемо для электромагнитных излучений. При последующих проверочных испытаниях дефектов аппаратуры выявлено не было. Так как эксперименты по принятию сигналов межзвездного общения не проводились на постоянной основе, необходима проверка результатов, возможно посредством повторения эксперимента по всему миру. Этот феномен настолько значим, что игнорировать его было бы неразумно».

Лоуренс не ожидал, что прослушивание кассеты с сигналами может доставить хоть какое-то удовольствие. Однако его знакомые, прослушав кассету несколько раз, говорили, что звуки постепенно приобретают «потрясающее очарование».

На кассете записаны краткие, но постепенно удлиняющиеся серии гармоничных вибраций, напоминающих бесмысленную болтовню или шумовой фон. Определенная закономерность в продолжительности интервалов между сигналами, очевидное повторение последовательностей звуков и почти полное устранение электромагнитного шума во время звучания сигналов, свидетельствует о том, что они имеют разумную природу.

Лоуренс мечтал обработать записанные сигналы на компьютере, что могло бы пролить новый свет на природу этого феномена. Звуки следуют друг за другом столь быстро, что расшифровать их вручную вряд ли возможно. Но при этом Лоуренс опасался, что даже компьютерная обработка здесь не поможет. «Если это адресованное кому-то сообщение, то ни один компьютер не сможет его расшифровать. У нас попросту нет «биологических» компьютеров, которые бы смогли из вроде бы разрозненной информации сделать понятный и логический вывод».

Лоуренс пришел к выводу, что для обработки информации биологического происхождения, а особенно внеземных сигналов, нужны биологические сенсоры. «Стандартная электроника здесь практически бесполезна, так как «био-сигналы», очевидно, находятся за пределами известного науке электромагнитного спектра излучения».

Еще в 1950-х годах ученые считали Землю единственной планетой в космосе, на которой существует жизнь. Но на основе внимательного наблюдения за небесными телами и других данных они начинают признавать, что мы, возможно, не единики в огромных просторах космоса. Ученые не исключают существование и внеземных цивилизаций, которые по своему развитию могут гораздо превосходить нас, землян.

В начале девятнадцатого века немецкий математик и физик Карл Фридрих Гаусс (Karl Friedrich Gauss), в честь которого названа единица плотности электромагнитного излучения, предлагал землянам заявить о своем существовании в космосе так: сделать в сибирской тайге огромные просеки длиной в сотни километров, пересекающиеся под прямым углом. За этим последовало предложение австрийского астронома Дж. фон Литтров (J. J. von Littrow): выкопать в Сахаре каналы в виде геометрических фигур, залить их керосином и поджечь ночью. Не преминул дать свои рекомендации и французский ученый Чарльз Грос (Charles Gros): необходимо изготовить огромное зеркало, чтобы оно отражало солнечный свет прямо на Марс.

Но вскоре ученым пришлось пересмотреть свои грандиозные идеи. Летом 1927 г., исходя из радионаблюдений и тогдашних научных представлений, была выдвинута новая гипотеза о том, что Земля уже находится под пристальным наблюдением инопланетных спутников связи. Норвежский радиоинженер Йорген Халс (Jorgen Hals) слушал голландскую радиостанцию, передающую на коротких волнах, и вдруг услышал странные, непонятные ему звуки и эхо. Не могли объяснить их происхождение и другие немецкие и английские ученые и инженеры, которые провели ряд экспериментов для подтверждения находок Халса.

Но вскоре об этой странной аномалии забыли вплоть до

начала 1950-х годов, когда для объяснения этого явления стали выдвигать гипотезы инопланетного вмешательства. Теоретики сделали смелый вывод о том, что инопланетяне наладили периодический межзвездный канал связи. С его помощью они, во-первых, наблюдают за Солнечной системой и выявляют разумную жизнь, во-вторых, переправляют электромагнитные сигналы от этой разумной жизни, включая землян, обратно в свои «миры». Конечно, консервативные ученые поспешили раскритиковать эту довольно дерзкую гипотезу. Правда, им пришлось поумерить свой пыл после очередного события, когда сигналы одного телеканала были приняты с необъяснимой задержкой в целых три года.

В сентябре 1953 г. на экране домашнего телевизора С. В. Бредли из Лондона появился идентификационный набор букв «KLEE-TV» американской телекомпании из Хьюстона, штат Техас. В следующие несколько месяцев те же буквы появлялись на телеэкранах в офисах компании Atlantic Electronics Ltd. в английском городе Ланкастэр. Да, сигнал пришел из-за океана, но это уже стало обычным явлением. Самое странное было в том, что сигнал был принят только через три года после его отправки. Еще в 1950 г. идентификационный код этой компании сменился на KPRS. Выдвигались версии, что эти сигналы были задержаны и хранились все эти годы в парящем над землей «облаке плазмы», а потом были переданы на всеобщее обозрение. Но как, кто и, главное, зачем это сделал? Также неприемлема гипотеза о том, что все это просто бессмысленная (правда, довольно дорогостоящая) мистификация.

Американские ученые горели желанием разгадать этот феномен и стали всерьез подумывать о существовании межзвездной связи с помощью радиосигналов. Но вскоре гипотеза с радио отпала. Оказывается, радиоволны поглощаются межзвездными газовыми облаками и туманностями, блокируются защитными оболочками вокруг планет, с которых могли бы исходить эти сигналы, а также подвергаются воздействию космического радиошума. Единственная радиоволна, которая способна преодолеть столь большие расстояния и пройти через все препятствия, – это короткая волна, производимая нейтральным галактическим водородом.

Но земляне не теряли надежду получить радиосигналы из космоса. В 1960 г. д-р Френк Дрейк (Frank Drake) организовал «Проект Озма», названный в честь принцессы сказочного королевства Оз. В этом проекте использовался огромный радиотелескоп Национальной радиоастрономической обсерватории в западной Вирджинии диаметром в 30 метров. Дрейк и его коллеги надеялись принять возможные внеземные сигналы от разумных цивилизаций из района двух звезд: Тау Сети и Эпсилон Эриданы. Только недавно стало известно, что вокруг Эпсилон Эриданы вращается огромная планета, по весу в шесть раз превосходящая крупнейшую планету Солнечной системы Юпитер.

«Проект Озма» провалился, но ученые все еще лелеют мечту установить контакт с внеземным разумом.

Летом 1971 г. группа американских ученых из НИИ Агентства астронавтики США в г. Эймс (Ames) закончили разработку нового проекта «Циклопы», который предполагал строительство сети из десяти тысяч тарелочных радиотелескопов, покрывающих площадь в несколько квадратных километров. Эти телескопы нужно было установить на рельсы и разместить на территории двухсот тридцати квадратных километров в пустыне Нью-Мексико. Сетью телескопов должна была управлять кибернетическая «нервная система» в виде новых суперкомпьютеров. Чарльз Сигер (Charles Seeger) из Университета Нью-Мексико оценил стоимость этого проекта в пять миллиардов долларов. Но государство решило урезать финансирование космических исследований, поэтому проект «Циклопы» вряд ли будет реализован на практике. Однако в Астрофизической обсерватории в Крыму (СССР) полным ходом идет сооружение огромного радиотелескопа диаметром более 500 м.

Все ученые настроились ловить из космоса только радиосигналы, так как наука считает радиосвязь самым эффективным из известных ей средств связи. Если бы они вспомнили об идее Лоуренса о сигналах биологической природы, то могли бы значительно повысить свои шансы. Джозеф Гудаваж (Joseph F. Goodavage), автор книги «Астрология: наука эпохи освоения космоса» (Astrology: The Space Age Science), опубликовал статью в журнале «Saga» (Saga) за январь

1973 г., где поддерживает мнение Лоуренса о науке: «Его величество Научный Метод возвели в некую религию с громоздкими ритуалами и обычаями. Педантичное следование научному методу, пожалуй, стало основным препятствием на пути прямого общения *Homo sapiens* и других существ, возможно, обитающих на просторах космоса».

Лоуренс работал инженером по оборудованию в аэрокосмической корпорации в Лос-Анджелесе, и решил усовершенствовать преобразователи одного вида энергии в другую. По прошлым опытам Лоуренс понял, что механические приборы, даже способные одновременно регистрировать изменения температуры, давления, электростатических полей и гравитации, справиться с задачей все равно не смогут. А что, если растение может заменить все приборы, ведь все необходимые «сенсоры» уже встроены в него самой природой?

В 1963 г. Лоуренс занялся этим всерьез. Он просил помочь у специалистов по растениям и биологов всех мастей, но толковых ответов на свои вопросы так и не получил. Все они были недостаточно сведущи в физике, а тем более, в электронике, поэтому с трудом понимали, что ему было нужно. Тогда Лоуренс решил полагаться только на себя. Свои поиски биологической системы, излучающей и принимающей сигналы, он начал с экспериментов, проделанных в 1920-х годах русским гистологом Александром Гурвичем и его женой. По их словам, от всех живых клеток исходит невидимое излучение. Гурвич заметил, что деление клеток на кончиках корней лука происходит в определенном ритме. Он предположил, что причиной тому является какой-то неизвестный источник физической энергии, возможно, от соседних клеток.

Для проверки этого предположения, он положил кончик корня лука в горизонтальную трубку из тонкого стекла, которая должна была служить пушкой-излучателем. Затем Гурвич направил эту трубку на другой кончик корня лука, также в стеклянной трубке. Маленький участок второго корня оставался незащищенным стеклом. Это незащищенное место служило мишенью для излучателя. После трех часов облучения Гурвич осмотрел корень-мишень под микроскопом. Сравнив участок корня, защищенного сте-

клом, и облученный «участок-мишень», ученый заметил, что на последнем процесс деления клеток идет на 25% быстрее, чем на первом. Казалось, что корень в излучателе передал корню-мишени некоторое количество своей жизненной энергии.

Чтобы понять природу этой энергии, Гурвич повторил эксперимент, но на этот раз закрыл «мишень» тонкой кварцевой пластииной. Но результат оставался тем же. Однако, если кварц покрывали слоем желатина или заменяли его куском простого стекла, процесс деления клеток в «корне-мишени» снижался и приходил в норму. Известно, что стекло и желатин не пропускают ультрафиолетовые лучи, поэтому Гурвич заключил, что длина волн от клеток корней лука должна быть меньше или равна длине волн ультрафиолетовых лучей. Это излучение явно стимулировало процесс деления клеток, или «митоз», поэтому Гурвич назвал его «митогенные лучи».

Найдка Гурвича произвела фурор в научном мире. Научные лаборатории торопились проверить его открытия. Подумать только, новоявленные лучи оказались мощнее, чем ультрафиолетовые, проходящие огромный путь от Солнца до Земли! Биологи с трудом верили в то, что живые клетки способны испускать излучение такой мощности. Но в Париже двое исследователей подтвердили результаты Гурвича; в Москве земляк Гурвича продемонстрировал, что под воздействием митогенных лучей от корня лука созревание дрожжей увеличивается на 25%.

Двое ученых из «Сименс» и «Хальске» (Halske), что под Берлином, вынесли вердикт: митогенное излучение – неопровергнутый факт. А во Франкфурте ученые даже умудрились измерить это излучение электрическими приборами, не проводя наблюдений за его влиянием на другие растения. Однако другим не менее авторитетным исследователям в Англии и США не удалось подтвердить результаты опытов Гурвича. Престижная и авторитетная Академия наук США в своем докладе утверждала, что открытие Гурвича воспроизвести невозможно, поэтому все это лишь плод его воображения. После этого Гурвич и его лучи были забыты.

У Лоуренса не было ультрафиолетового спектрометра для определения митогенного излучения, но ему понравилась

сама идея *направления* энергии. Эти эксперименты непроизвольно натолкнули его на мысль, что в опытах Гурвича не обошлось без психологического фактора. Для продолжения своих экспериментов Лоуренс изобрел приборы высокого сопротивления. Он хотел выяснить, будут ли клетки в полу-сантиметровом ломтике лука, подключенному к мостику сопротивления и электрометру, реагировать на различные стимулы. И действительно, за доли секунды клетки реагировали на такие раздражители, как клубы дыма, и даже на его намерение уничтожить клетки.

Но самым необычным во всем этом было вот что. Реакция клеток лука была разной и зависела от того, кто направлял на них энергию мысли. Люди с экстрасенсорными способностями вызывали у клеток более выраженную реакцию, чем pragматичный Лоуренс. Он объяснял это так: «Если предположить, что клетки обладают клеточным сознанием, то реакция клеток на намерение причинить вред будет меняться от экспериментатора к экспериментатору».

Примерно в это же время Лоуренс наткнулся на работы Бакстера и решил построить замысловатый психогальванический анализатор или детектор реакции растений.

Новое оборудование Лоуренса зафиксировало «бешеную» реакцию растений. Но Лоуренс позже признавался, что был «невежественным в этих вопросах и погряз в закостенелом pragmatizme прусской школы мысли». Сначала он списал такие показания приборов на недоделки в оборудовании. Но мало-помалу, под влиянием работ Бакстера, Лоуренс все же стал склоняться к тому, что ткани растений могут воспринимать мысль и эмоции человека. Лоуренсу припомнилось высказывание английского астронома эпохи Джеймса Джинса (James Jeans): «Поток человеческого знания неуклонно движется в сторону немеханистической реальности. Вселенная уже представляется не как огромный механизм, а как всеобъемлющая мысль. Теперь сознание уже не считается случайным явлением в сугубо материальном мире. Понемногу мы начинаем понимать, что мысль — это сила, создавшая физическую реальность и управляющая ею».

В октябре 1969 г. Лоуренс начал публиковать серию популярных статей на базе своих экспериментов и прочитанных

материалов. Начало серии положила статья под названием «Электроника и живое растение» (Electronics and the Living Plant) в «Мире электроники» (Electronics World). Лоуренс обратился к читателям с такими словами: «Впервые за тысячу лет, с тех пор, как зеленые листья первых растений прорвались сквозь толщи палеозойских болот, мы, наконец, подошли к изучению электродинамических свойств растений».

В связи с этим возникает четыре важных вопроса: можно ли объединить растения и электронные приборы для создания суперчувствительных сенсоров и преобразователей? Можно ли обучить растение реагировать только на определенные объекты или образы? Можно ли экспериментально доказать наличие у растений такой сверхчувствительности? Какие из 350 000 известных науке видов растений наиболее перспективны для использования в электронике?

Лоуренс дал читателям подробные инструкции по изучению поведения растений с помощью микрозлектродов. Он также сообщал, что в 1960-х годах в «Лунном саду» Республиканской Авиации в штате Нью-Йорк учёные вызвали у растений что-то похожее на «нервный срыв» и «полную депрессию», когда испытывали их на пригодность в качестве пищи для космонавтов. Еще до этого основатель сайентологии Рон Хаббард (Ron Hubbard) в своей английской лаборатории (East Grinstead, Sussex, England) заметил, что растения не переносят некоторые виды искусственного освещения, вроде холодного света от натриевых уличных ламп. Оно вызывало у растений выделение «холодного пота», ясно различимого на листьях.

Лоуренс предупреждал своих читателей, что далеко не всякий более-менее осведомленный в электронике человек может работать с растениями. Работа с «эффектом Бакстера» требует не просто умения смастерить навороченное электронное оборудование. «Здесь нужны кое-какие качества, которым не придают значения в обычных экспериментах. По словам экспериментаторов, в этой области для успешной работы с растениями нужно особое чутье и, самое главное, искренняя любовь к растениям».

Через полгода в том же журнале вышла еще более противоречивая статья Лоуренса под названием «Электроника и

парапсихология» (Electronics and Parapsycology). Статья начиналась с вопроса: «Есть ли у человека скрытые экстрасенсорные способности, забытые современными средствами коммуникации?» Парапсихология – наука новая и к тому же имеет оккультное прошлое, поэтому ученые относятся к ней довольно настороженно. Но теперь с помощью электронных приборов можно ставить потрясающие эксперименты и открывать новые способы передачи информации.

По словам Лоуренса, вопрос о разработке оборудования, способного надежно и объективно проверять экстрасенсорные способности, встал еще 50 лет назад. Тогда итальянский ученый Федерико Каззамалли (Federico Cazzamalli) разработал ультразвуковой прибор для оценки способности человека к телепатии. Но фашистский диктатор Бенито Муссолини засекретил результаты этих опытов, и с тех пор о них забыли.

Идеи Каззамалли воплотились в чудесном аппарате под названием «интегратрон», разработанном Джорджем ван Тасселом (George W. van Tassel), изобретателем-самоучкой из г. Долина Юкка (Yucca Valley) в Калифорнии. Аппарат разрабатывается уже 20 лет и все еще находится на стадии доработки. Хитроумное детище Тассела покоится под неметаллическим куполом 13 метров высотой и 20 метров в диаметре и напоминает астрономическую обсерваторию. Он представляет собой электростатический магнитный генератор с размерами, в четыре раза превышающими любой другой аппарат такого рода. В Бюллетене тасселовского Колледжа Вселенской Мудрости говорится, что создаваемые аппаратом поля заполняют все пространство под куполом, поэтому он сделан не из металла и без единого гвоздя или болта. Он сложен наподобие китайской мозаики-головоломки и выдерживает нагрузку в шесть раз большую, чем того требует строительный кодекс для коммерческих зданий. Тассел пообещал, что когда аппарат будет готов, он не только поможет решить проблему межзвездных коммуникаций, но и сделает возможным ранее невозможное: омоложение клеток организма, антигравитацию, даже путешествие во времени.

Традиционных ученых сильно смущало отсутствие у парапсихологии хоть какой-нибудь рабочей теории экстрасенсорных способностей, и они лишь скептически пожимали

плечами. В 1964 г. президент Международной ассоциации парапсихологии д-р В. Г. Ролл (W.G. Roll) в своем обращении к участникам 7-й ежегодной конференции ассоциации в Оксфорде (Англия), выдвинул предположение о существовании «пси-полей», аналогичных электромагнитным и гравитационным полям. Похоже, «пси- полями» обладают все живые и неживые объекты, и они могут взаимодействовать с известными физическими полями и между собой. В 1956 г. на симпозиуме, организованном Фондом Сиба (Ciba Foundation) д-р Г. Д. Вассерман (G. D. Wasserman) выдвинул другую теорию, основанную на квантовой механике. Он предположил, что «пси- поля», отвечающие за экстрасенсорные способности у человека, обязаны своим существованием восприятию бесконечно малых «квантов энергии». Эти кванты гораздо мельче частиц, воспринимаемых материальными полями, известными классической физике.

Эффект Бакстера и схожие с ним явления, по мнению Лоуренса, наводят на мысль, что «пси- поля» являются частью так называемой «паранормальной матрицы» – уникальной коммуникационной сети, объединяющей все живое в единое целое. Любое живое существо может влиять на работу этой сети, а принципы ее функционирования лежат за пределами известных физике законов. Согласно этой теории, после установления психического контакта со своим хозяином растение реагирует на его эмоции и настроение даже на большом расстоянии.

В номере журнала «Популярная электроника» (Popular Electronics) за июнь 1971 г. Лоуренс опубликовал для всех желающих изучать общение с растениями подробные схемы и списки необходимых деталей для «детектора реакции растений». Детектор Лоуренса позволяет ставить сверхточные опыты.

Но Лоуренс предупреждал, что частота повторения опытов является важным фактором в экспериментах над растением. При постоянной стимуляции, сильном повреждении или нерегулярном поливе растение быстро устает, может впасть в состояние шока и погибнуть. Поэтому он просил исследователей: «Обращайтесь с растениями вежливо и аккуратно, давайте им время и возможность отойти от ваших экспери-

ментов. Выбирайте для растений тихое место, чтобы помехи от радиоволн и электромагнитных излучений искусственно го происхождения не мешали проведению опытов».

Идеи Лоуренса подтверждаются работами чешского издателя и исследователя физиологической психологии Яна Мерта (Jan Merta), живущего в Канаде. Он обладает удивительными способностями: раскалив добела кусок железа в кузнице, Мерта голыми руками стряхивает искры и окалину с пылающего жаром железа так же просто, как мы с вами стираем пыль с книжных полок.

После переезда в Канаду Мерта два месяца подрабатывал «Айболитом» в крупной монреальской компании, выращивающей и импортирующей тропические растения. Обычно эти растения попадали в деловые центры для оживления голых стен или в жилые дома в качестве любимых питомцев. Когда хозяева жаловались на всяческие болезни купленных у компании растений, Мерта ехал на место событий для устранения проблемы. Кроме того, под его опекой находились тысячи растений в огромных теплицах компании. Он заметил, что после расставания с сотнями тепличных друзей растение испытывало резкий шок, тосковало, чахло, и даже могло погибнуть. Но если несчастное растение возвращали в теплицу, оно заметно оживлялось и восстанавливало свой цветущий вид и здоровье.

Вылечив немало «захандривших» растений, Мерта убедился, что растениям необходимо общение с человеком. При недостатке такого общения они страдают от одиночества. Ярким примером могут служить роскошные десятиметровые фикусы (*Ficus benjamina*) из Флориды. Цветущие здоровые фикусы привезли в торговый центр и поставили вокруг фонтана в крытом солярии. И что же? Несмотря на постоянный полив и подкормку уже через два дня они стали вянуть. Но растения, которые поставили рядом с оживленными проходами, ведущими в солярий, сохраняли цветущий вид и отличное здоровье. Для Мерты было очевидно, что фикусы обожают ловить восхищенные взгляды проходящих мимо людей.

В 1970 г. Лоуренс узнал, что в Украине еще с 1930-х годов радиоволны и ультразвуковые вибрации использовались для

стимуляции семян зерновых культур и повышения их урожайности, и Министерство сельского хозяйства США также проводило успешные опыты в этом направлении. Тогда Лоуренс бросил работу в университете и занялся разработкой сложного оборудования, с помощью которого собирался наладить стимуляцию семян зерновых в промышленных масштабах. По словам Лоуренса, «если известный селекционер Лютер Бурбанк (Luther Burbank) психически стимулировал саженцы растений, то почему бы нам не попробовать транслировать сигналы на целые поля культурных растений для повышения урожайности без всех этих дьявольских, убивающих почву, удобрений?»

В 1971 г. в февральском номере «Популярной электроники» Лоуренс опубликовал схемы экспериментального оборудования для проверки своей теории стимуляции роста растений в сверхвысоковольтном электростатическом поле. К химическим удобрениям очень легко привыкнуть: они дешевые и удобные, поэтому многочисленные идеи ученых и инженеров об электрическом питании растений оказались ненужными. Но сейчас глобальное загрязнение нитратами от химических удобрений угрожает всей мировой экосистеме и водным ресурсам Земли. Может быть, пора вспомнить о забытых альтернативах?

В настоящее время Лоуренс разрабатывает оригинальный метод стимуляции растений с помощью звуковых волн. Он совмещает свои способы с методами эффекта Бакстера для повышения урожайности растений на расстоянии. Эти исследования превратили Лоуренса-инженера в Лоуренса-философа. В журнале «Экологически чистое садоводство и земледелие» (Organic Gardening and Farming) он писал: «В детстве весь мир казался мне живым и наполненным смыслом; деревья были моими лучшими друзьями и, как говорил Джордж Элиот: “Цветы смотрели на нас и читали наши мысли”. На смену пришло время, когда растения просто росли, угрюмо и тихо. Но сейчас я снова впадаю в детство, по крайней мере, в отношении растений».

Лоуренс разрывался между электрической стимуляцией роста растений и своими проектами по межзвездному общению. Но в долгосрочной перспективе последнее показалось

ему важнее. По его мнению, «если мы сможем установить устойчивый контакт с внеземными цивилизациями, то многие вопросы и загадки царства растений отпадут сами собой».

5 июня 1973 года исследовательский центр колледжа Анкор в Сан-Бернардино объявил об открытии первой в мире биологической обсерватории по межзвездному общению под руководством вице-президента Анкора Л. Джорджа Лоуренса. Для новой программы исследований Лоуренс разработал так называемый «звездотрон», весящий три тонны и объединяющий в себе радиотелескоп и систему приема биологических сигналов, похожую на описанную в начале главы биодинамическую полевую станцию.

Президент Анкора Эд Джонсон (Ed Johnson) сообщил прессе, что астрономы так и не смогли получить упорядоченные радиосигналы из космоса. Поэтому колледж Анкор поддержал идею Лоуренса о том, что сигналы из космоса имеют не электромагнитную, а биологическую природу.

Только в нашей Галактике существует около 200 миллиардов звезд. Если предположить, что вокруг каждой из них вращается по крайней мере пять планет, то для исследований мы имеем один триллион планет. Если хотя бы на одной из тысячи планет существует разумная жизнь, то мы получаем миллиард таких планет в одной лишь нашей Галактике. Если это количество умножить на десять миллиардов Галактик (именно столько по научным представлениям входит в состав обозримой Вселенной), то получается, что потенциально земляне могут получать такие сигналы с 10 000 000 000 000 000 000 планет!

Основатель Анкора преподобный Алвин М. Харрелл (Alvin M. Harrell) считает, что контакты с внеземным разумом приведут к огромному всплеску новых знаний: «До сих пор человечество лишь грубо разрушало все живое. Будем надеяться, что внеземные цивилизации окажутся более любящими и милосердными, чем мы».

Лоуренс отметил: «Возможно, растения и есть самые настоящие инопланетяне. Они превратили древний мир камней и минералов в среду, пригодную для обитания человека. Этот процесс похож на самую настоящую магию! Оста-

лось лишь убрать с этой темы налет оккультизма и превратить ее в полноправную отрасль физики. Наше оборудование создано именно для этих целей».

Если Лоуренс на правильном пути, то все созданные с таким трудом космические корабли, уносящие человека к необъятным просторам космоса, и великие открытия, сравнимые с открытием Колумбом Америки, окажутся ненужными, и станут достоянием истории, как корабль Колумба «Санта Мария». По мнению Лоуренса, живые существа общаются друг с другом мгновенно, несмотря на астрономические расстояния в миллионы световых лет, разделяющих их в просторах космоса. На самом деле для общения с инопланетным разумом нам нужно не блуждать по космосу на космических кораблях, а набрать «правильный номер телефона». Хотя это направление исследований Лоуренса находится пока в зачаточном состоянии, его биодинамическая полевая станция может стать еще одним шагом к подключению ко вселенскому коммутатору. И в этом нам могут помочь наши милые, веселые и надежные друзья – растения.

Глава 5 А ТЕМ ВРЕМЕНЕМ В СССР...

В 1970 г. в одном из октябрьских номеров газеты «Правда» была опубликована статья «О чём говорят нам листья?», из которой миллионы читателей узнали о том, что растения могут передавать свои чувства человеку.

«А знаете, растения разговаривают... Да ладно бы разговаривают, а то ведь и кричат», — оповестил общественность официальный орган Коммунистической партии. «И это только кажется, что они безропотно встречают свои невзгоды и молча переносят обиды». Журналист «Правды» В. Чертков рассказал о выдающихся достижениях Московской лаборатории искусственного климата при знаменитой Академии сельского хозяйства им. Тимирязева:

— При мне ячменный побег буквально вопил, когда его корень окунули в горячую воду. Правда, «голос» растения уловил лишь специальный и очень чуткий электронный прибор, который рассказал о «неведомых миру слезах» на широкой бумажной ленте.

Перо прибора, словно обезумев, виляет по белой дорожке. Ячменный побег в предсмертной агонии, хотя, если посмотреть, ничего не говорит о его плохом состоянии: листочек не сник и по-прежнему зелен. Но «организм» растения уже непоправимо болен — какая-то его, будто даже «мозговая» клетка уведомляет нас об этом своими сигналами, что фиксируется на ленте...

Журналист «Правды» взял интервью у профессора Ивана Исидоровича Гунара, декана факультета физиологии растений Тимирязевской Академии, который со своими коллегами провел сотни экспериментов с растениями. Все они подтверждают наличие у растений электрических импульсов, аналогичных общезвестным нервным импульсам у человека. Журналист отметил, что Гунар говорил о растении, как о человеке, описывая его привычки, черты характера и склонности. «Он, оказывается, даже беседует с ними, — писал Чертков, — и мне кажется, что они слышат этого доброго седовласого человека. Очевидно, этот человек наделен особыми способностями. Мне рассказывали об одном пилоте, который разговаривал со своим непослушным самолетом, а мой знакомый капитан разговаривает со своим кораблем».

Журналист газеты спросил главного ассистента Гунара, бывшего инженера Леонида Панишкина, почему он бросил работу по специальности и перешел в лабораторию Гунара? Он ответил: «Там я работал в металлургии, а здесь с живыми существами». Почти то же ответила и молодая лаборантка Татьяна Цимбалист, которая с тех пор как стала работать с Гунаром, «взглянула на природу другими глазами».

Панишкин говорил, что больше всего ему хотелось бы найти наилучшие условия для роста растений и изучить реакцию «наших зеленых друзей» (как назвал их журналист «Правды») на свет и темноту. Используя лампу с мощностью, равной интенсивности солнечного света, он определил, что растение устает от чересчур длинного дня и нуждается в ночном отдыхе. Панишкин надеялся, что однажды растения смогут зажигать и выключать свет в теплице по своему желанию и стать таким «живым выключателем».

Исследования команды Гунара могут также открыть новые возможности для селекции растений. Как? В его лаборатории разработан метод простого и быстрого «отбора» наиболее устойчивых к жаре, холоду и другим климатическим факторам растений с помощью уникальных инструментов. В обычных условиях генетикам нужны годы, чтобы обнаружить в растениях все эти характеристики.

Летом 1971 г. в Россию приехала американская делегация из Общества поддержки образования и просвещения

(ОПОП), основанного ясновидящим целителем Эдгаром Кэйсом (Edgar Cayce) в штате Вирджиния. Американцам – четырем врачам, двум психологам, физику и двум педагогам – показали фильм Панишкина «Есть ли чувства у растений?» о влиянии на растения факторов окружающей среды, таких как солнечный свет, ветер, облака, темнота ночи, прикосновения мух и пчел, химические повреждения, ожоги и даже просто приближение лианы к вертикальной опоре, которую можно обвить стеблем. Далее в фильме было показано, что при погружении растения в пары хлороформа исчезала биоэлектрическая пульсация, появляющаяся у здорового растения при резком ударе по листьям. В заключение американцы увидели, как советские исследователи изучают эту пульсацию для диагностики состояния здоровья растения.

Один из американских врачей Вильям Мак-Гарри (William McGarey), глава медицинского научного центра ОПОП в Фениксе (Phoenix), штат Аризона, в своем отчете о поездке отметил поразительный метод интервальной съемки растения. Каждый кадр делался через определенный промежуток времени, и поэтому при просмотре фильма время на экране «ускорялось». Казалось, что растение танцует в процессе роста. Цветы открывали и закрывали свои лепестки с восходом и заходом солнца, как будто они — жители другой временной зоны. Все реакции на повреждения записывались чувствительными полиграфами, присоединенными к растениям.

В апреле 1972 г. в одном из номеров издаваемой в Цюрихе швейцарской газеты «Вельтвокх» (Weltwoche) вышла статья с описанием экспериментов Бакстера и Гунара, которые они проводили одновременно, но независимо друг от друга. На той же неделе швейцарская статья была переведена на русский и опубликована в еженедельном обзоре зарубежной прессы «За рубежом» под названием «Удивительный мир растений». В ней говорилось, что результаты исследований этих двух ученых «указывают на то, что растения передают полученные сигналы по особым каналам в центр. Он обрабатывает информацию и производит на ее основе ответную реакцию. Этот нервный центр, возможно, находится в тканях корня, которые расширяются и сокращаются наподобие

сердечной мышцы человека. Эксперименты показали, что у растений существует четкий ритм жизни, и при недостатке пищи и отдыха растение гибнет».

Статья швейцарской газеты привлекла внимание редактора московской газеты «Известия». Было дано задание журналисту М. Матвееву подготовить статью для еженедельного журнала-приложения. Журналист не забыл упомянуть про предположение Бакстера, что у растений есть память, язык общения и даже зачатки альтруизма. Но что странно, он совершенно не осветил самое удивительное открытие Бакстера о том, что филодендрон почувствовал *намерение* хозяина.

«Ох уж эти западные газеты! Готовы из муhi сделать слона», — решил Матвеев и отправился в Ленинград за более авторитетным мнением. Там он взял интервью у директора Лаборатории биокибернетики при Институте агрофизики Владимира Григорьевича Караманова.

Институт агрофизики был основан сорок лет назад по инициативе знаменитого физика, академика Абрама Федоровича Иоффе, который проявлял особый интерес к практическому применению физики в разработке новых товаров, сначала в промышленности, а затем и в сельском хозяйстве. После открытия института тогда еще молодой биолог Караманов, вдохновленный Иоффе, занялся изучением полупроводников и кибернетики, стал конструировать микротерморезисторы, весы и другие инструменты для измерения температуры растений, скорости движения сока в их стеблях и листьях, интенсивности испарения влаги с их поверхности, скорости роста и показателей их излучения. Вскоре он смог получать детальную информацию о том, сколько и когда растение хочет пить, нужна ли ему подкормка, холодно ему или жарко. В первом выпуске «Сборника докладов Академии Наук СССР» за 1959 г. Караманов опубликовал статью «Приложение автоматики и кибернетики в уходе за растениями».

По словам журналиста «Известий», Караманов показал ему обычное растение фасоли, получившее возможность «отрастить себе руки». Для чего растению руки? Чтобы показывать «мозгу» в виде приборов, сколько в данный момент растению нужно света. Тогда «мозг» посыпает «рукам» сигнал, а «им

остается лишь нажать на включатель света». Так растение теперь может само определять продолжительность своего «дня» и «ночи». Позже та же самая фасоль «отрастила ноги» и могла посредством приборов сигнализировать о том, что ей хочется пить. «Стало ясно, что растение — совершенно рациональное существо, — писал журналист *«Известий»*. — Вместо того, чтобы с жадностью кинуться на воду, оно ограничивало себя двухминутным питьем каждые два часа. Так растение смогло регулировать свои потребности в воде с помощью искусственного механизма. Это сенсация, гениальное научно-техническое изобретение, демонстрирующее технические возможности человека двадцатого века».

На вопрос, открыл ли Бакстер что-нибудь новое, Караманов немного высокомерно ответил: «Ничего он не открыл! Растения могут воспринимать окружающую их среду, что же здесь удивительного! Без этого восприятия невозможен процесс приспособления. Если бы у растений не было органов чувств и способов передачи и обработки информации на своем языке и с помощью своей памяти, то растения уже давно бы вымерли».

В интервью Караманов не проронил ни слова о способности растений воспринимать эмоции и мысли человека (что стало действительно сенсационным открытием Бакстера). А еще он ничего не сказал о том, что филодендрон Бакстера успешно распознавал «наемного убийцу растений». И тут Караманов задал риторический вопрос: «Может ли растение различать форму? Может ли оно, к примеру, отличить человека, который причиняет ему вред, от того, кто о нем заботится?» Отвечая на свой вопрос и, по его мнению, более объективно освещая работы Бакстера для советского читателя, Караманов произнес: «Сейчас на этот вопрос у меня нет ответа. И не потому, что я сомневаюсь в безупречности экспериментов Бакстера и в том, что он их повторял много раз. Но, кто знает, может, хлопнула дверь, или в комнату ворвался сквозняк, или что-нибудь еще. Ни я, ни он и никто на свете пока не готов расшифровать все реакции растений, слышать и понимать, о чем они “говорят” между собой или что они “кричат” нам».

Караманов предсказывал, что когда-нибудь в будущем

появятся технические возможности управлять всеми физиологическими процессами, но не ради славы и сенсации, а для пользы самих растений. Когда растения получат возможность автоматически регулировать окружающую среду и устанавливать благоприятные условия для собственного роста с помощью электронного оборудования, это станет огромным шагом в повышении урожайности злаковых, овощных и фруктовых культур. Но Караманов дал понять, что до этого еще далеко: «Мы не ставим своей целью общение с растениями и изучение их языка. Наша задача — научиться контролировать рост растений. На этом трудном, но таком увлекательном пути нас ждет немало открытый».

Этим же летом вслед за публикацией в *«Известиях»* вышла статья в ежемесячном журнале *«Наука и религия»*, в которой автор, инженер А. Меркулов, попытался осветить последние научные достижения и в то же время в разделе «Теория и практика атеизма» развенчать постулат церкви о существовании духовного мира, стоящего на иерархической лестнице выше человека.

Меркулов пошел дальше еженедельного приложения *«Известий»*. Он упомянул не только о том, как растение «американского криминалиста» Бакстера реагировало на гибель рака в кипящей воде, но и о том, что оно реагировало на убийцу своего зеленого соплеменника. Такую же реакцию растения на настроения человека наблюдали в Государственном университете в Алма-Ате, столице Казахской Республики. Там ученые заметили, что растения стабильно реагируют на болезни и эмоциональные состояния своих хозяев.

По словам Меркулова, давным-давно известно, что растения обладают «краткосрочной» памятью. Этот факт также подтвердили казахские ученые. Бобы, картофель, пшеница и лютики (*Ranunculus*) после соответствующих «инструкций» запоминали частоту вспышек яркой лампы. Растения повторяли пульсацию, как выразился Меркулов, с «исключительной точностью». А лютик смог повторить заданный лампой ритм после продолжительной паузы в 18 часов. Поэтому можно говорить о «долгосрочной» памяти растений.

Далее ученые выработали у филодендрона реакцию на кусок руды, который клали перед горшком с растением.

Используя систему, при помощи которой Павлов открыл «условный рефлекс» у собак, казахские ученые «наказывали» филодендрон электрическим шоком всякий раз, как кусок руды появлялся перед растением. После такой обработки растение, предчувствуя болезненный шок, «расстраивалось», когда «видело» перед собой кусок руды. Более того, растение могло различать кусок злополучной руды и похожий кусок простого камня, не содержащего никаких минералов. Эти способности растений могли бы пригодиться в геологической разведке полезных ископаемых.

В заключение статьи Меркулов сообщил, что главной целью новейших экспериментов является контроль за всеми процессами роста и развития растения. В Институте физики в Красноярске «физики научились контролировать рост одноклеточной водоросли *Chlorella*. Эксперименты продолжаются и постепенно усложняются, и уже становится ясно, что в скором будущем ученые смогут контролировать рост не только простейших, но и высших растений».

Меркулов предсказывал, что такой контроль можно будет осуществлять даже на огромных расстояниях. «Научившись «понимать» растение, человек создаст автоматические приспособления, которые будут самостоятельно наблюдать за полями. В любой момент в случае необходимости они смогут удовлетворять все нужды посаженных на полях растений. Недалек тот день, когда ученые создадут теорию приспособления и выживания растений в неблагоприятных условиях и изучат их реакции на раздражители, а также на удобрения и гербициды».

В 1972 году статья «Воспоминания одного цветка» из иллюстрированного журнала «Знания – сила» подкинула советским читателям новую пищу для размышлений. На этот раз автором статьи был не жаждущий сенсаций журналист и не инженер-энтузиаст, а профессор доктор психологических наук В. Н. Пушкин. Он не собирался переубеждать читателей, будто американский криминалист Бакстер не открыл ничего нового. Наоборот, он начал свою статью с детального описания эксперимента Бакстера с ракками. Затем Пушкин поведал читателям историю о том, как он познакомился с работами Бакстера через своего молодого коллегу В. М. Фети-

сова. Фетисов был твердо настроен на изучение эффекта Бакстера и уговорил Пушкина поучаствовать в его экспериментах. Молодой ученый принес из дома обычную домашнюю герань в горшке и подключил к ней энцефалограф.

Пока Фетисов пытался добиться реакции от своего растения, болгарский аспирант Московского педагогического института им. Ленина Георгий Ангушев, работающий над диссертацией по психологии, узнал об экспериментах Пушкина–Фетисова. Он приехал к ним в лабораторию посмотреть, что там происходит. Пушкин охарактеризовал Ангушева как талантливого исследователя. Но вдобавок ко всему болгарин обладал замечательным даром гипноза, что было особенно важно для них, как выражался Пушкин, «психобиологических опытов».

По мнению Фетисова и Пушкина, эмоции человека под гипнозом становятся более выраженным и направленными. Они гипnotизировали девушку Таню с «живым темпераментом и спонтанными эмоциями». Вначале ученые внушили девушке под гипнозом, что она самая красивая женщина в мире, а затем, что она замерзает на холодном резком ветре. При каждой перемене настроения девушки, подключенное к прибору растение реагировало соответствующей кривой на ленте самописца. «Растение реагировало всегда, и даже на самые нелепые команды — писал Пушкин.

Конечно, можно сказать, что реакция растения была лишь результатом случайных событий, происходящих в комнате. Московские психологи предвидели эту критику и включали свой энцефалограф в длинных перерывах между экспериментами. Но ничего подобного реакции растения на эмоции человека под гипнозом прибор никогда не регистрировал.

Пушкин и Фетисов решили проверить слова Бакстера о том, что растение различает правду и ложь. Тане предложили задумать число от 1 до 10. Еще ей сказали, чтобы она ни в коем случае не говорила свое число, даже если на этом будут настаивать. Затем ученые стали медленно называть числа от 1 до 10, каждый раз спрашивая у Тани, это ли число она задумала. Но девушка каждый раз решительно отвечала: «Нет!» Ученые не чувствовали никакой разницы в ответах Тани, но растение сразу же четко отреагировало на ее вну-

треннее состояние, когда называли число 5. Это и было задуманное число, которое Таня так старалась скрыть.

В заключении статьи Пушкин выразил уверенность, что если пойти по пути Бакстера, вполне возможно решить многие сложные вопросы работы головного мозга человека, этого «венца природы», как назвал человека Павлов полвека назад. Чтобы оградить Фетисова от нападок других ученых, Пушкин напомнил всем скептикам и сомневающимся что говорил Павлов на церемонии открытия Московского института психологии в 1914 г. Павлов подчеркивал, что разгадка всех тайн работы мозга является «задачей невероятного размаха и полностью зависит от широты мысли, то есть от полной свободы и отстранения от всех стереотипов в исследовании».

Ожидая критики от своих ученых коллег, Пушкин, прикрываясь Павловым, подчеркнул, что это высказывание известного физиолога также актуально и в 1972 г. И для полной ясности он добавил: «Опыт развития естественных наук, особенно физики, показывает, что не следует опасаться новых открытий, какими бы парадоксальными они не казались на первый взгляд».

По словам московского профессора, клетки растения реагируют на процессы в нервной системе человека, которые называют неопределенным термином «эмоциональные состояния». Объясняя реакции растения Пушкин писал: «Возможно, существует особая связь между двумя информационными системами, клетками растения и нервной системой человека. "Язык" клетки растения может быть созвучен "языку" нервной клетки человека. Эти совершенно разные живые клетки, похоже, могут "понимать" друг друга».

Пушкин считал, что в клетках растения идут процессы, в чем-то напоминающие активность разума. А связанные с человеческой душой или «психикой» (термин, с которым даже психологи до конца не определились) восприятие, мышление и память являются лишь частными вариациями основных процессов, происходящих на уровне клетки растения.

По мнению Пушкина, такой вывод открывает новые горизонты в изучении происхождения нервной системы человека. Он отметил, что в истории науки было выдвинуто нема-

ло версий о сущности человеческой мысли. Он вкратце прошелся по различным теориям, начиная с гипотезы о том, что нервная клетка есть составной элемент живого кибернетического компьютера, и заканчивая тем, что не клетка, а состоящие ее молекулы как раз и есть основные элементы информационной системы.

«Что же, на самом деле, вызывает реакцию у растения?» Возможно, за пределы физического тела человека в определенном эмоциональном состоянии выходит какая-то биофизическая структура, несущая с собой информацию о состоянии человека. Что бы там ни было, ясно одно: «Исследования взаимоотношений человека и растения могут пролить свет на самые актуальные вопросы современной психологии».

Загадки и тайны мира растений стали также темой книги «Трава» Владимира Солоухина, известного славянофила родом из-под Владимира. Книга «Трава» была напечатана в конце 1972 г. в четырех номерах журнала «Наука и жизнь» с тиражом в три миллиона экземпляров. Как-то раз ему попалась на глаза «Правда» со статьей о работах Гунара. Солоухин был удивлен, что такая увлекательная тема не вызвала большого интереса у его сограждан.

«Об элементах памяти сказано вскользь. Но ведь написано же черным по белому в газете, расходящейся тиражом в несколько миллионов экземпляров, а никто не звонил друг другу в возбуждении, никто не кричал в телефонную трубку захлебывающимся голосом: "Слышали? Растения чувствуют, растения больно, растения кричат, растения все запоминают!"» – писал Солоухин.

Когда Солоухин в волнении сам кинулся к телефону сообщить своим друзьям такую удивительную новость, он узнал от знакомого об одном выдающемуся ученом. Этот ученый был членом Академии наук СССР и работал в Академгородке рядом с Новосибирском, где жили практически одни ученые и исследователи. Вот его слова:

«Не удивляйтесь, мы проводим многочисленные опыты, и все они говорят об одном: у растений есть память. Они умеют накапливать и долгое время хранить впечатления. Одного человека мы заставили несколько дней подряд мучить и истязать куст герани. Он щипал ее, обрывал листья, колол иглой,

делал надрезы, капал на живую ткань кислоту, подносил к листьям зажженную спичку, подрезал корешки... Другой человек бережно ухаживал за тем же кустом герани: поливал, рыхлил землю, опрыскивал свежей водой, подвязывал отяжелевшие ветки, лечил ожоги и раны.

Потом мы подсоединили к растению электрические приборы, которые фиксировали и записывали бы на бумагу импульсы растения и смену этих импульсов. Что же вы думаете? Как только "мучитель" приближался к растению, стрелка прибора начинала беспноваться. Растение не просто "нервничало", оно боялось, оно пребывало в ужасе, оно негодовало, и, если бы его воля, оно либо выбросилось бы в окно, либо бросилось на мучителя.

Но стоило ему уйти, а на его место прийти добруму человеку, как кустик герани умиротворялся, его импульсы затухали, стрелка прибора чертила плавные и, можно сказать, ласковые линии».

Но растения могут не только распознавать друзей и врагов. Советские ученые обнаружили, что регулярно поливающие растения могут каким-то образом делиться водой с собратьями, испытывающими жажду. В одном из исследовательских институтов посаженное в стеклянную банку растение кукурузы не поливали в течение нескольких недель. Но оно не погибло; а оставалось бодрым и здоровым, совсем как его соседи, получавшие нормальный полив. Вода как-то передавалась от здоровых соседей к «заключенному» в стеклянной банке. Для ученых это явление осталось загадкой.

Удивительно, но д-р А. Р. Бейли (A. R. Bailey) провел в 1972 г. похожие опыты по обмену между растениями в Англии. Два растения посадили в теплицу с искусственным освещением и строгим контролем температуры, влажности и освещенности. Их намеренно поливали нерегулярно. Бейли с помощником измеряли напряжение в каждом из растений. Когда одно растение поливали при помощи подведенной к нему пластиковой трубки, другое растение немедленно реагировало. Позже Бейли рассказывал членам Британской ассоциации лозоходцев: «Между растениями не было никакой электрической связи, они даже не соприкасались физически, но

каким-то образом одно растение чувствовало, что происходит с другим».

В своей книге «Трава», название которой отражает самое широкое понятие этого слова, то есть все, произрастающее на земле, Солоухин решил просветить советского обывателя и обратить его внимание на внутренний мир растений. Он раскритиковал сельскохозяйственную бюрократию, колхозников, начальников лесопилок, и даже продавщиц московских цветочных магазинов.

В начале книги Солоухин иронично заметил: «Человек обладает потрясающей наблюдательностью. Он замечает воздух только тогда, когда ему нечем дышать. Скорее нужно сказать не "замечает", а "ценит". Пока нам дышится свободно и непринужденно, мы не ценим воздух и даже не замечаем его. Человек чрезвычайно гордится своими огромными знаниями. Но он скорее смахивает на механика, который знает, как починить радиоприемник, но не имеет никакого понятия о природе и действии радиоволн; или на древнего человека, который разжигая огонь, не понимал процесса мгновенного окисления. Мы до сих пор расточительно пользуемся светом и теплом и даже не знаем, да и знать не хотим, об их сущности».

Также человеку совершенно наплевать на то, что земля вокруг него зеленая. «Мы затаптываем растения в грязь, рвем зеленые покровы земли бульдозерами и гусеницами тракторов, мы заливаем землю бетоном и горячим асфальтом. Чтобы избавиться от отходов деятельности своих адских машин мы поливаем землю сырой нефтью, заваливаем мусором, сливаем кислоты, щелочи и прочие яды. Что, у нас так много растений? Я, например, представляю, как в результате космической, а может и экологической катастрофы, человеку придется жить в бескрайней пустыне без единой травинки».

Чтобы разбудить уважение к природе в сердцах урбанизированной советской молодежи, Солоухин рассказывает историю об узнике, заключенном в холодный и промозглый карцер. И вдруг между страниц старой книги, которую ему дал почитать сердобольный тюремщик, он находит крохотное семечко, не больше булавочной головки. Узник был очень взволнован: это зернышко напоминало ему о мире за преде-

лами тюремных стен, к которому он так привык. Узник представил, что это маленько зернышко – все, что осталось от прежде пышного и яркого царства растений. Тогда он посадил семечко в единственный угол своей камеры, куда проникали редкие солнечные лучи. Он поливал свое семечко слезами и все ожидал появления на свет чуда превращения семени в растение.

Солоухин приравнивал это событие к настоящему чуду, волшебству. Но для человека это чудо давно превратилось в обыденное явление, ведь оно повторяется на его глазах тысячи миллионов раз в день. Даже если бы в распоряжении того узника были все химические и физические лаборатории мира со сложными реактивами, точным анализом и электронными микроскопами, даже если бы он изучил каждую клетку, каждый атом и ядро, то и тогда он не смог бы разгадать таинственную программу, заложенную в семя; не сумел бы понять, что же заставляет его превратиться в сочную морковь, душистый укроп или яркую астру.

Солоухину пришли по душе слова доктора географических наук и профессора МГУ И. Забелина, который в своей статье «Опасные заблуждения», опубликованной в «Литературной газете», писал: «Мы еще только начинаем познавать язык природы, ее душу, ее разум. За семьюдесятью семью печатями для нас "внутренний мир" растений». «Эти строки ничем не выделены в газетном столбце, – писал Солоухин, – но мне эти строки показались напечатанными жирным шрифтом».

Во время поездки в Париж Солоухин с радостью отметил обилие цветочных магазинов, разбросанных по всем, даже самым бедным районам столицы Франции. Чтобы найти приличный букет в Москве, нередко приходилось потратить целый день.

Солоухин также подверг критике совершенно глупую политику советских чиновников в области сельского хозяйства. В октябре 1972 г. в одном из выпусков «Литературной газеты» он сокрушался о том, что исконные луга и пастбищные угодья пустуют и превращаются в пустыри, тогда как поля, на которых следовало бы сажать зерновые, распахиваются и засеваются кормовыми культурами для скота. «Если собрать все сено и свежую траву с наших лугов и положить

их сплошным слоем, то они могли бы покрыть всю Европу, а если соорудить из них стог, то он бы простирался от Средиземного моря до Скандинавии. Тогда почему же мы не используем это богатство?» – вопрошал Солоухин. Этот риторический вопрос вызвал лишь яростный отпор со стороны замминистра сельского хозяйства, стремившегося сохранить статус-кво.

Эта проблема касается не только СССР, но и США и других стран. Солоухин упорно обвинял советских промышленников, которым было совершенно наплевать на природу, превращающих реки и озера в вонючие отстойники, уничтожающих леса во имя увеличения объемов производства. Мечтая повернуть процесс разрушения в другое русло, этот «пылкий защитник природы, ее певец и хранитель» (как называл Солоухина один из издателей его работ) призывал своих земляков вместо того, чтобы бороться и покорять, учиться дружить с природой.

В первом номере журнала «Химия и жизнь» за 1973 г. была опубликована статья о намерениях русских перейти с нефти, газа и угля (трех форм солнечной энергии, изначально сохраненной растениями) на солнечную энергию. Статья указывала на исследования американского нобелевского лауреата и специалиста по фотосинтезу Мелвина Калвина (Melvin Calvin). Он обнаружил, что растительный хлорофилл под воздействием солнечных лучей способен отдавать электроны полупроводникам, к примеру, оксиду цинка. Мелвин и его сотрудники создали так называемый «зеленый фотоэлемент», один квадратный сантиметр которого генерировал электрический ток в 0,1 микроампер. Но через несколько минут, говорилось в статье, растительный хлорофилл теряет чувствительность или попросту «выыхает». Но его жизнь можно продлить, добавив гидрохинон в солевой раствор, действующий в качестве электролита. Похоже, хлорофилл можно сравнить с насосом, который перекачивает электроНЫ гидрохинона в полупроводник.

Калвин подсчитал, что хлорофильный фотоэлемент в десять квадратных метров способен генерировать ток мощностью в 1 киловатт. Он предполагал, что в последующие 25 лет такие фотоэлементы будут поставлены на промышленное

производство и будут в сотни раз дешевле кремниевых солнечных батарей, с которыми ведутся эксперименты в настоящее время.

«Даже если человек к 2000 г. так и не удосужится реализовать идею превращения солнечного света в электричество через хлорофилл, – говорит «Химия и жизнь», – то можно будет подождать еще несколько десятилетий. Это сущие пустяки по сравнению с миллионами лет, требующимися для превращения растения в каменный уголь».

Итак, советские читатели познакомились с идеей о том, что однажды растения будут производить для человека электричество из солнечного света. Тем временем профессор Гунар с молодыми советскими учеными продолжал изучать восприятие растений. Среди прочего они хотели по реакции разных сортов ячменя и огурцов определить их морозо-, холодо- и теплоустойчивость, а по реакции картофеля – его устойчивость к болезням.

С чем же связан взрыв интереса к изучению растений в СССР? Ответ можно найти в статье А. М. Синюхина, опубликованной в 1958 г. Коллега Гунара ссылается на выдающегося индийского физиолога и биофизика, работы которого подверглись шквалу критики со стороны западной науки, а после его смерти были практически преданы забвению. Еще в 1920 г. К. А. Тимирязев, в честь которого названа московская Академия сельского хозяйства, писал, что работы индийского ученого стали предвестником новой эпохи в развитии мировой науки. Этот непризнанный гений, по словам Тимирязева, разработал потрясающий по своей простоте и чувствительности прибор. С его помощью индийский ученый смог опровергнуть общепринятое среди немецких ботаников мнение, будто передача любых сигналов в растительной ткани имеет гидростатическую природу. Он смог измерить с точностью до сотой доли секунды время прохождения сигнала по стеблю различных растений.

Синюхин подчеркнул, что советские ученые были просто потрясены достижениями этого индийца и решили создать целую исследовательскую программу на основе его давно забытых работ.

В декабре 1958 г. в главном конференц-зале Академии

наук СССР состоялось торжественное заседание, посвященное столетию со дня рождения индийского ученого. Перед огромной аудиторией выступили три видных академика с докладами о фантастических открытиях индийца. Его работы имеют огромное значение не только для физиологии растений, но и для физики, а также для понимания доселе неслыханной взаимосвязи между этими науками.

«Прошло немало лет с тех пор, как появились его работы, – сказал в своем выступлении один из основоположников радиобиологии и космической медицины А. Л. Лебединский.

– За это время биофизика достигла огромных высот. Но и сегодня, читая его работы, каждый ученый может найти для себя массу неожиданных и плодотворных идей, имеющих непосредственное отношение к современным научным исследованиям».

Другой докладчик отметил, что в работах индийского ученого «казалось бы неподвижный и бесчувственный мир растений преображается, как в сказке, и порой имеет большую чувствительность, чем мир животных и человека».

Шесть лет спустя в СССР были напечатаны два прекрасно иллюстрированные тома избранных работ этого непризнанного ученого. Этот двухтомник содержал обширные комментарии, а также целую книгу, которая изначально была издана в 1902 г. под названием *«Реакции живого и неживого»* (*Response in Living and Non-Living*). В своих работах сэр Джагадис Чандра Босе (Jagadis Chandra Bose) решил актуальную проблему науки двадцатого века. Он соединил мудрость Древнего Востока с отточенными технологиями и научной терминологией современного Запада.

